

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА НА ГОДЪ:

Въ С.-Петербургѣ: безъ доставки . . . 12 р.
 » съ доставкой . . . 13 р. 50 к.
 » съ пересыкою . . . 15 р.
 Въ Москвѣ (у книгопродавцевъ Соловьева и
 А. Ланга), безъ доставки . . . 13 р.

1 ГОДЪ. ТОМЪ I № 5.
 29 ЯНВАРЯ 1869 Г.

Журналъ **ВСЕМИРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦИЯ** выходитъ еже-
 недѣльно въ форматѣ большого двойного листа въ 16
 страницъ.

Государственная
 ордена Ленина
 БИБЛИОТЕКА СССР
 им. В. И. ЛЕНИНА

ГЛАВНАЯ КОНТОРА РЕДАКЦИИ
ВСЕМИРНОЙ ИЛЛЮСТРАЦИИ

[Германъ Гоппе] находится въ С.-Петербургѣ,
 на Большой Садовой улицѣ, въ домѣ
 Ильина, № 16.

СОДЕРЖАНИЕ: Политика.—Разныя извѣстія.—Музыкальное обозрѣніе.—Еще нѣсколько словъ о Тифлисѣ.—Невѣстка (повѣсть).—Фельетонъ.—Критика и Библиографія.—Транс-
 атлантискій подводный французскій телеграфъ.—Полковникъ Димитрій Петроулаки.—Отель Базилевскаго въ Парижѣ.—Корреспонденція изъ Вѣны.—Театръ и музыка.—Статистика.—Но-
 вости естественныхъ наукъ.—Археологія.—Научныя новости.—Некрологъ.—Новая желѣзная дорога изъ Рэнси въ Монфермейль.—Объявленіе.—Отъ редакціи.—Шахматная задача № 2-й.
РИСУНКИ: Последняя сцена изъ оперы «Нижегородцы».—Тифлисскія типы.—Циркъ Гинне.—Петербургскія зимніе типы.—Накручиваніе верхней оболочки на подводный телеграфный
 канатъ.—Укладываніе подводнаго телеграфнаго каната въ чанъ на пароходъ «Great Eastern».—Полковникъ Димитрій Петроулаки.—Отель Базилевскаго въ Парижѣ.—Новая желѣзная дорога
 изъ Рэнси въ Монфермейль, по системѣ Ларманья.

Последняя сцена изъ оперы Нижегородцы (Съ рисунка художника Брожа).

ВНУТРЕННЯЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА.

25 Января 1869 года.

Истекшая недѣля была необыкновенно скудна новостями, относящимися до нашей внутренней политики. Правда, въ теченіе этихъ семи дней обнародовано подробное «положеніе о военномъ министерствѣ», измѣненное согласно съ другими реформами прежде произведенными по военному вѣдомству, но сущность этого новаго положенія была уже извѣстна прежде изъ статьи «Русскаго Инвалида», и мы сообщили читателямъ, въ прошедшемъ обзорѣ нашѣмъ, ея главныя черты. Если не считать этого положенія, то весь политическій бюджетъ недѣли ограничился двумя новыми концессіями на второстепенныя вѣтви желѣзныхъ дорогъ, да Высочайшимъ повѣленіемъ объ упраздненіи новороссійскаго казачьяго войска, дальнѣйшее существованіе котораго признано ненужнымъ.

Такое отсутствіе важныхъ новостей по части внутренней политики, невольно заставляетъ публику сосредоточивать все свое вниманіе на новостяхъ политики иностранной, тѣмъ болѣе, что за это время въ западной Европѣ произошло нѣсколько важныхъ и интересныхъ событій.

Прежде всего слѣдуетъ, конечно, дать отчетъ о ходѣ той греко-турецкой распрѣ, исхода которой съ нетерпѣніемъ ожидаетъ вся Европа, хорошо понимая, что отъ рѣшенія этого дѣла въ томъ или въ другомъ смыслѣ, зависитъ сохраненіе или нарушеніе Европейскаго мира.

Всѣ извѣстія, получаемыя разными путями изъ Афинъ заставляютъ сильно опасаться, что Европейское вмѣшательство въ греко-турецкую распрю не приведетъ рѣшительно ни къ чему. Правда, официальный отвѣтъ аѳинскаго правительства на декларацію присланную ему отъ имени парижской конференціи, еще неизвѣстенъ и послѣднія телеграммы изъ Афинъ, какъ будто намекаютъ на готовность короля Георгія подчиниться требованіямъ дипломатическаго собранія, заседающаго въ Парижѣ, но тѣ же телеграммы сообщаютъ факты несомнѣнно показывающіе, что одной доброй воли короля Эллиновъ будетъ далеко недостаточно въ этомъ случаѣ и что даже, если предположить, что его образъ дѣйствія совершенно искрененъ (а въ этомъ, какъ мы увидимъ далѣе, есть причины сомнѣваться), то и тогда избраннику эллинскаго народа будетъ не легко идти въ разрѣзъ съ стремленіями націи и по всей вѣроятности, изъ одного чувства самосохраненія, придется уступить ея требованіямъ.

Вотъ въ какомъ видѣ представляютъ намъ досихъ поръ, ходъ дѣла полученныя телеграммы изъ Афинъ.

Король Георгій обнаружилъ полную готовность какъ говорится, «приступить въ деклараціи», т. е., иными словами подчиниться ея требованіямъ. Министерство Булгариса не сочло возможнымъ слѣдовать за Его Эллинскимъ Величествомъ по этому пути уступокъ, щекотливыхъ для самолюбія греческой націи и подало въ отвѣтку, которая принята королемъ. Георгій I поручилъ составить министерство Заиміосу, который принялъ программу уступокъ ему предложенную и сдумѣлъ набрать себѣ товарищей.

Такова официальная сторона дѣла, и она, по видимому, должна бы рѣшить вопросъ окончательно, благоприятнымъ для мира образомъ, но рядомъ съ этимъ, псевдо-благополучнымъ исходомъ дѣла, происходитъ, сколько можно разобрать изъ отрывочныхъ свѣдѣній, сообщаемыхъ телеграммами, весьма серьезное народное движеніе, враждебное принятію деклараціи и благоприятное политикѣ Булгариса. Аѳинскіе граждане собираются просить короля о возвращеніи портфеля подавшему въ отставку министру; въ провинціяхъ господствуетъ сильнѣйшее волненіе.

Для тѣхъ, кто знаетъ грековъ и ихъ политическіе приемы, этихъ немногихъ свѣдѣній совершенно достаточно, чтобы понять всю серьезность настоящаго хода дѣла въ Афинахъ. Если король

Георгій искренно желаетъ мира и твердо намѣренъ, вопреки народной волѣ, подчиниться требованіямъ Европейскихъ дипломатовъ, то его престолу грозитъ серьезная опасность. Греки народъ не податливый и крайне самолюбивый. Еще во времена Оттона, они нѣсколько разъ доказывали, что не расположены выносить разногласіе верховной власти съ національными стремленіями, а теперь, послѣ четырехлѣтней полной свободы и строго-конституціонныхъ порядковъ, они конечно должны обнаружить еще большую требовательность... Обстоятельства, посреди которыхъ возникла и разгорѣлась греко-турецкая распрѣ, необыкновенно способствовали возбужденію и оживленію надеждъ громадной въ Греціи партіи послѣдователей «великой идеи», т. е. панэллинизма. Уступчивость Турціи, такъ скоро замѣнившая тотъ задоръ, которымъ былъ вызванъ знаменитый *ультиматумъ*, только разожгла страсти грековъ и дѣло дошло до того, что ко времени прибытія въ Аѳины графа Шарля Валуевскаго, привезшаго съ собою декларацію, всѣ были увѣрены что молодой дипломатъ этотъ возвратится изъ Афинъ въ Парижъ съ рѣшительнымъ отказомъ, и что, вѣлѣдъ за его обратнымъ отѣздомъ, вспыхнетъ наконецъ та священная борьба, на которую уже такъ давно и напрасно рвутся всѣ греки, чуть что не поголовно.

Невыполненіе такіхъ надеждъ цѣлаго народа несовсѣмъ-то безопасно для государя, избраннаго на престолъ волею этого народа и столь же нуждающагося въ популярности, какъ любой выборный такого государства... Рисковать своимъ будущимъ и будущимъ своей династіи, Георгію I-му, врядъ ли можетъ быть какой нибудь расчетъ... Все это заставляетъ нѣкоторыхъ предполагать, что событія, совершающіяся нынѣ въ Аѳинахъ, не болѣе какъ ловкая комедія, разыгрываемая королемъ и бывшимъ министерствомъ по плану, заранѣе составленному Булгарисомъ. Планъ этотъ въ такомъ случаѣ состоитъ въ слѣдующемъ.

Королю Георгію необходимо доказать Европейскимъ правительствамъ, что не его личная настойчивость и честолюбіе мѣшаютъ мирному окончанію распри съ Турціей. Ему необходимо отнять у западной дипломатіи всякій предлогъ думать, будто онъ могъ поступить иначе, чѣмъ поступилъ доведя дѣла до войны; необходимо убѣдить общественное мнѣніе Европы, что эллинскій народъ рѣшительно не хочетъ подчиниться требованіямъ конференціи. Съ этою-то цѣлью онъ заявляетъ свою личную готовность приступить къ деклараціи и простираетъ ее до того, что даже отказывается отъ услугъ популярнаго министерства Булгариса. Большаго отъ него, конечно, требовать никто не въ правѣ. Если такая уступчивость возбуждаетъ серьезное неудовольствіе въ народѣ и, противорѣча его стремленіямъ, грозитъ опасностію самому престолу короля, то Георгію I-му, какъ государю конституціонному, какъ избраннику эллиновъ, остается только покориться народной волѣ и, истощивъ всѣ средства къ предъотвращенію катастрофы, встать во главѣ своего народа, снова призвать къ власти уволенное министерство Булгариса и рѣшиться на отчаянную борьбу, погибнуть въ которой все же лучше, чѣмъ быть низвержену съ престола, подобно Оттону....

Событія, конечно, не замедлятъ показать насколько справедливы догадки людей, толкующихъ такимъ или инымъ образомъ послѣднія событія въ Греціи; мы же съ своей стороны прибавимъ только, что въ подобныхъ догадкахъ нѣтъ ничего невѣроятнаго, хотя конечно ручаться за ихъ полную достовѣрность трудно.

Во Франціи общественное мнѣніе сильно занято эпизодомъ изъ дѣятельности законодательнаго корпуса, представляющимъ дѣйствительно нѣчто небывалое. На дняхъ, такъ называемая средняя партія, въ лицѣ представителя своего г-на Бюфе, представила въ палату запросъ о внутренней политикѣ правительства. Въ отдѣленіяхъ, которыя рѣшаютъ допущеніе или отверженіе запроса, результатъ подачи голосовъ оказался сомнительнымъ и дѣло было перенесено въ палату.

Правительство, въ лицѣ государственнаго министра Руэра, настаивало, чтобы запросъ былъ признанъ отвергнутымъ отдѣленіями; оппозиція требовала напрямикъ, чтобы онъ былъ признанъ принятымъ. Подача голосовъ дала замѣчательный результатъ. Г. Руэръ побѣдилъ, но побѣдилъ только большинствомъ семи голосовъ, тогда какъ доселѣ правительственное большинство никогда не было менѣе 75 голосовъ. *68 членовъ большинства перешли на сторону оппозиціи!*

Когда результатъ голосованія сдѣлался извѣстенъ, сторонники правительства пришли въ положительное недоумѣніе. Ничего подобнаго они не предвидѣли и не ожидали....

И дѣйствительно, рассказанный нами фактъ — весьма замѣчателенъ. Не слѣдуетъ забывать, что онъ произошелъ чуть не наканунѣ распушенія законодательнаго корпуса; что, слѣдовательно, отшатнувшіеся въ этомъ случаѣ отъ правительства депутаты большинства, должны бы, болѣе чѣмъ когда-либо, стараться угодить ему, потому что на слѣдующихъ выборахъ имъ необходима его поддержка, безъ которой, большей части изъ этихъ господъ, ни за что снова не попасть въ депутаты. Если въ такую минуту члены большинства находятъ возможнымъ идти въ разрѣзъ съ волею правительства, то что же будетъ послѣ новыхъ выборовъ и какъ справится правительство съ новымъ законодательнымъ корпусомъ?

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

— Въ прошломъ № мы привели слова епископа Леониды къ московскому дворянству; считаемъ долгомъ перепечатать изъ «Московскихъ Вѣдомостей» докладъ юридической комиссіи московскаго дворянства, на которую была возложена обязанность привести въ ясность тѣ измѣненія, которыми подверглось дворянское сословіе, въ слѣдствіе цѣлаго ряда совершившихся преобразованій. Докладъ этотъ указываетъ, что московское дворянство вполне правильно понимаетъ свое значеніе, и какъ-бы служить отвѣтомъ на слова епископа Леониды. Вотъ онъ:

«Московское дворянство съ благодарностью привѣтствовало великія преобразованія общественнаго строя, вызванныя потребностями времени и мудростью Государя; оно хорошо сознавало, что эти реформы, обновляя Россію, скрѣпляя ея единство, даютъ ей новые источники жизни и силы. Радость московскаго дворянства была тѣмъ естественнѣе и живѣе, что о важнѣйшихъ изъ этихъ реформъ оно само ходатайствовало предъ Монархомъ, съ свѣтлою надеждою на успѣхъ и какъ-бы предугадывая Его волю.

«Первымъ послѣдствіемъ этихъ чувствъ дворянства было то, что оно приняло немедленно дѣятельное и усердное участіе во всѣхъ новыхъ учрежденіяхъ, гдѣ только они были введены въ дѣйствіе. Явленіе естественное: ибо дворянство вполне поняло, что новыя преобразованія не умаляли его кореннаго значенія и первенства; оно поняло, что ежели прежде самоуправленіе, самообложеніе, веденіе общественныхъ дѣлъ, судъ, полиція и проч., принадлежали ему въ силу законовъ прошлаго столѣтія, то теперь та-же самая дѣятельность осталась въ его рукахъ, но уже въ силу свободнаго избранія земствомъ изъ среды дворянства тѣхъ лицъ, которымъ оно почти исключительно ввѣрило всѣ самые дорогіе свои интересы; — оно поняло, что ежели при изданіи грамоты, верховная власть признавала въ немъ почти единственнаго представителя интеллигенціи страны и потому въ его рукахъ сосредоточила всѣ права, — за то теперь это-же самое право на первенство безспорно признано за нимъ земствомъ, т. е. Россіей.

«Занимая первое мѣсто во всѣхъ новыхъ учрежденіяхъ, дворянство не можетъ не желать ревностно ихъ упроченія, дальнѣйшаго ихъ развитія, обезпеченія ихъ нерушимости. Самымъ своимъ участіемъ въ этихъ учрежденіяхъ оно торжественно *протестуетъ противъ всякой солидарности съ горстью тѣхъ людей, которые подъ предлогомъ защиты интересовъ дворянства, усиливаются остановить отечество на пути всесторонняго совершенствованія.* Единственнымъ интересомъ дворянства было всегда одно благо Россіи.»

— Въ «Московских Вѣдомостяхъ» помѣщена слѣдующая замѣтка относительно положенія дѣлъ въ Вильнѣ.

«Въ Вильнѣ, очищенной отъ «коммунистовъ и социалистовъ», набравшихся было туда въ лицѣ русскихъ дворянъ и чиновниковъ, которые отстаивали тамъ интересы русской народности, наступаютъ теперь новые порядки, о которыхъ мы перестали было слышать послѣ 1863 года и которые переносятъ насъ во времена предшествовавшія послѣднему польскому мятежу. Въ послѣднемъ № «Вилленскаго Вѣстника» мы находимъ слѣдующее извѣстие:

«Жена отставнаго ротмистра, Таисія Ознобишина, заявила, что 13-го января въ 6 часовъ вечера, когда она покупала въ мясныхъ лавкахъ говядину, кто-то облилъ надѣтую на ней бархатную шубу сѣрною кислотой. По опѣнкѣ оказалось, что шуба стоила 130 рублей. По произведенному дознанію, прикащики мясной лавки, Чернявскій, Рутковскій и Гецевичъ, подозрѣваются въ облитіи шубы сѣрною кислотой. Вчера было уже нѣсколько подобныхъ случаевъ облитія кислотой.»

— Въ «Правит. Вѣсти» пишутъ, что министръ путей сообщенія извѣстилъ тульскаго губернатора, что имъ разрѣшено помѣщику Тульской губерніи Д. А. Хомякову и купцу 1-й гил. Шиллингу произвести на ихъ счетъ изысканія для желѣз. дорог. отъ Тулы до Калуги.

МУЗЫКАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Нижегородцы.

опера въ 5-ти дѣйствіяхъ г. Э. Направника.

(Окончаніе).

Г. Направникъ явился въ оперѣ своей отличнымъ, чрезвычайно опытнымъ музыкантомъ, владѣющимъ оркестромъ съ большимъ вкусомъ и тонкимъ пониманіемъ. Музыкальныя формы его дуэтовъ, арій, хоровъ, вездѣ ясны и обстоятельно развиты, часто въ ущербъ драматическому интересу и движенію; отсюда утомительныя длиноты, на которыя я уже намекалъ, говоря о либретто. Одно жалъ, что самая основная изъ нихъ, форма речитатива, находится у г. Направника въ запущеніи. Речитативъ представляетъ переходъ отъ простой рѣчи къ рѣчи музыкальной; но онъ прежде всего рѣчь, въ которой различныя интонаціи голоса усилены музыкальными звуками, отчего она получаетъ еще большую силу и выразительность. Отсюда первымъ условіемъ является правильная рѣчь и затѣмъ вѣрная ея декламация. Противъ послѣдней, встречаемъ у г. Направника сплошные промахи. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ говорить: признать (стр. 14 либретто), судьба (стр. 36), двухъ изъ насъ (стр. 16), мои слова (стр. 40), выслушай (стр. 73), пришельцы (стр. 52) и т. п. съ удареніемъ на первомъ слогѣ. Нельзя также обходить въ рѣчи знаки препинанія или размѣщать ихъ гдѣ попало. Декламация, подобная слѣдующей, встречается часто:

Я сдѣлалъ то, что Богъ и совѣсть (точка).

Повелѣвали сдѣлать мнѣ. (Стр. 11).

или:

Что говоришь ты (?...), Боже правый! (Стр. 40).

или:

Въ тюрьму ее, въ цѣпи

Посадимъ (.) пока,

Гдѣ скрылся отецъ не укажешь, (стр. 60).

или:

Она Гонимскаго невеста (!).

Князь Боровской, — намъ измѣнилъ (стр. 61).

или:

Богъ милосердный (!... Т) ты родину

Нашу спаси отъ врага. (Стр. 48).

или:

Братомъ былъ онъ мнѣ, а сестрой ему

Была нѣжною, жарко..... любящей (стр. 26).

Пренебреженіе правильной декламацией должно было естественно отразиться и на формахъ болѣе сложныхъ, въ которыхъ затрудненія увеличиваются по мѣрѣ настанія интересовъ чисто-музыкальных: мелодическихъ, ритмическихъ, и въ формахъ многоголосныхъ — и контрапунктическихъ. Послѣдствія очевидны — разладъ музыки съ рѣчью, или невѣрное выраженіе словъ

музыкою, или ослабленіе лучшихъ музыкальныхъ намѣреній рѣчью.

Другая слабая сторона оперы г. Направника — ея безстильность, такъ сказать ея музыкальная безличность. Большая разница говорить въ гостиной и убѣждать, положимъ, дамъ, непременно ѣхать на такой-то званый вечеръ или спектакль, или встать на публичную трибуну и говорить оттуда, или убѣждать народъ, хотя бы на крестьянской міровой сходкѣ. Ничего не можетъ быть желательнѣе, какъ то, чтобы всякій образованный человѣкъ былъ на столько музыкально грамотнымъ, чтобы могъ передать звуками свои лирическія настроенія, какъ словомъ онъ выражаетъ мысль свою. Но отъ такихъ комматныхъ импровизаций до перенесенія ихъ на сценическія подмостки — далеко. Стилемъ въ музыкѣ называется та особенность въ мелодическихъ поворотахъ, ритмѣ и гармонической окраскѣ, вслѣдствіе которой отличаются не только мастера отъ учениковъ, не только представители различныхъ школъ, но и народности. По нѣсколькимъ тактамъ легко узнаются Бетховенъ, Мендельсонъ, Шуманъ, Глинка, Веберъ, Вагнеръ, точно также какъ легко отличается русская народная пѣсня отъ французской, итальянской или нѣмецкой. Въ стилѣ отражается личность художника: насколько стиль этотъ своеобразенъ, настолько творческія откровенія художника интересны и капитальны. Это отчасти то, что называется оригинальностью, но только — отчасти. У г. Направника стиль еще не выработался: самобытности, самостоятельности почти никакой, оттого опера его, за рѣдкими исключеніями, производитъ впечатлѣніе музыки уже гдѣ то прежде слышанной. Тутъ попадаетъ и Фр. Шубертъ, и Бетховенъ, и Веберъ, и Вагнеръ, но чаще всего Мендельсонъ, по гладкости и поверхности стиля своего самый популярный. Русскость этой оперы составляютъ напомниманія, и весьма частыя, изъ Глинки, Варламова, Дюбюка, даже Климовскаго и др. И такъ, недостаточно серьезное отношеніе композитора къ слову и драмѣ, и безстильность ея: вотъ главные недостатки оперы. Теперь припомнимъ мѣста сколько нибудь замѣчательныя музыкально, или оставившія впечатлѣнія въ публикѣ.

Увертюра, въ формѣ отдѣльнаго цѣлаго, состоитъ изъ интродукціи (g-moll, $\frac{4}{4}$) мрачнаго, нѣсколько лютерански-хоральнаго характера и аріи Куратова изъ перваго дѣйствія, въ которой онъ повѣряетъ Минину любовь свою къ Ольгѣ и аллегро въ $\frac{6}{4}$, заимствованнаго изъ хора въ 4-мъ дѣйствіи. Кромѣ отличной инструментовки, увертюра особенно замѣчательнаго ничего не представляетъ. Въ первомъ дѣйствіи хоръ и трепакъ, по умѣреннымъ размѣрамъ своимъ, въ памяти слушателя не остаются. Протяжная арія г. Никольскаго, приведенная въ увертюрѣ и оканчивающаяся дуэтомъ съ г. Васильевымъ, — весьма унылаго характера. Въ концѣ дуэта, г. Никольскій, на заключительномъ аккордѣ тона ес, подымается на верхній si bemol и, фигурируя этотъ аккордъ, спускается до нижняго тенороваго ес; г. Васильевъ повторяетъ тоже октавою ниже, что даетъ случай пощеголять пѣвцамъ объемомъ своихъ голосовъ, а композитору, знаніемъ средствъ своихъ исполнителей. Въ слѣдующемъ actio на словахъ: «авось Господь устроитъ все», г. Васильевъ доходитъ даже до contra C, что впрочемъ совсѣмъ не эффектно, такъ какъ вмѣсто звука слышится въ залѣ одинъ храпъ. Хоръ, рассказывающій о нападеніи на Минина, не лишень интереса по бойкому ритмическому движенію. Заявленіе Минина благодарности за спасеніе жизни Куратову — довольно мелодичный дуэтъ. Напутственный хоръ крестьянъ безъ, сопровожденія оркестра, по виѣшнему эффекту напоминающій извѣстную молитву изъ Фенеллы, весьма понравился публикѣ, требовавшей даже его повторенія.

Второй актъ начинается коротенькою, но прелестною прелюдіею въ характерѣ польскаго, мотивъ котораго приводится нѣсколько разъ въ

оперѣ для обрисовки польскаго элемента (опять вліяніе «Жизни за Царя»!). Ниже приводится въ первомъ и послѣднемъ хорѣ акта, арія князя:

«Я бѣ мечемъ и огнемъ
Съ ними рѣчи повелѣ!»

Въ двухчетвертномъ ритмѣ, напоминаетъ «Хуторокъ», чего не скроешь никакими интересными подробностями Флейтъ и тарелокъ *pp* — въ оркестрѣ. Въ отвѣтъ на нее Куратова слышится: «Я помню все». Продолженіе аріи князя основано на фигураціи квинты, появляющейся въ разныхъ регистрахъ оркестра, но врядъ ли такое упражненіе на пяти нотахъ временъ Гайдновскихъ, достойно современнаго музыканта. Хоръ пѣсенниковъ съ кларнетомъ-запѣвалою во главѣ напоминаетъ эффектъ Молчановскихъ хоровъ; это можетъ быть и близко къ дѣйствительности, но не эстетично въ оперѣ. По ритму хоръ этотъ совсѣмъ не русскій, а какой-то венгерскій *szardasz*. Пляска скомороховъ — отличный случай показаться инструментатору, какъ г. Направнику, съ вычурно-комичной стороны, — также не удалась, какъ мнѣ кажется по излишней осторожности и недостатку юмора.

Въ третьемъ дѣйствіи — безконечная и весьма трудная каватина г-жи Соловьевой; арія подруги ея, опять въ родѣ «Хуторка» или «Мороза» Дюбюка интересна по аккомпанементу фагота *abligato*; арія кончается дуэтомъ, понравившемся публикѣ. Слѣдуетъ квартетъ, безъ всякаго сопровожденія, весьма трудный для исполненія и безынтересный по техническому веденію голосовъ; онъ принадлежитъ къ тѣмъ формамъ вокальной музыки, которыхъ присутствіе въ оперѣ не комической, я понять не могу: слышишь отдѣльные слоги, которые связать въ слова нѣтъ никакой возможности. Къ удачнѣйшимъ мѣстамъ оперы слѣдуетъ отнести коротенькую сцену Ольги, когда, тоскующая, она остается одна, въ горѣ отъ покушеній отца на жизнь Куратова. Тутъ все есть: и вѣрная декламация, и изысканная гармонія, и умѣстная педаля въ литаврахъ *pp* (F, B, а потомъ Es). Нѣжный, отлично спѣтый дуэтъ г-жею Соловьевой и г. Никольскимъ, въ характерѣ итальянской баркароллы (G dur, $\frac{6}{8}$); весьма понравился публикѣ. жалъ только, что онъ такъ длиненъ. Дѣйствіе заключаетъ куплетный хоръ сѣнныхъ дѣвушекъ, сопровождаемый одними деревянными духовыми инструментами, ригурнели же — одними мѣдными. Эффектъ граціозный и вѣрный. (Вліяніе «хора цвѣтовъ» въ Русланѣ).

Въ четвертомъ дѣйствіи, весь интересъ сосредоточенъ въ хоровыхъ массахъ. Все, что говорятъ народу Мининъ и Куратовъ, мало рельефно, а потому и не производитъ впечатлѣнія. Хоры же ведены искусно, съ интересомъ прогрессивно возрастающимъ, въ особенности: «Хорошо умереть за родную страну» и «Нѣтъ измѣнникамъ пощады!» (тема въ аллегро увертюры). Хоръ — въ церкви, во время вѣнчанія и народъ, вторящій ему — на паперти, есть ни что иное, какъ близкое до неэстетичности подражаніе кантамъ Бортиянскаго, даже октависты не забыты въ контрабассахъ оркестра. Подражаніе православному церковному пѣнію на сценѣ — попытка новая, поражающая публику. Слѣдующее за нимъ трио (Гугеноты) безконечно. Неужели музыканту нельзя пройти мимо сопрано, тенора и баса, чтобы не заставить ихъ сейчасъ же пѣть трио!

Партія г. Мельникова, въ первой картинѣ 5-го дѣйствія, въ сценѣ съ дочерью, не лишена интересныхъ подробностей: такъ, сейчасъ-же, первая его фраза, построенная на чрезмѣрныхъ интервалахъ съ триолями въ оркестрѣ, затѣмъ въ сопровожденіи словъ: «А ты, какъ дочь Боровскаго» и т. д., что за чудесныя краски! Тутъ и «хоръ цвѣтовъ», и Леліо Берліоза, и особенно — свѣтлая и въ тоже время нѣжная тональность (H dur)!

Начало второй картины — умирающіе съ полуду поляки — положительно самое капитальное и глубокое настроеніе всей оперы. Соло тенора-тром-бона въ соединеніи съ литаврами, стоны хо-

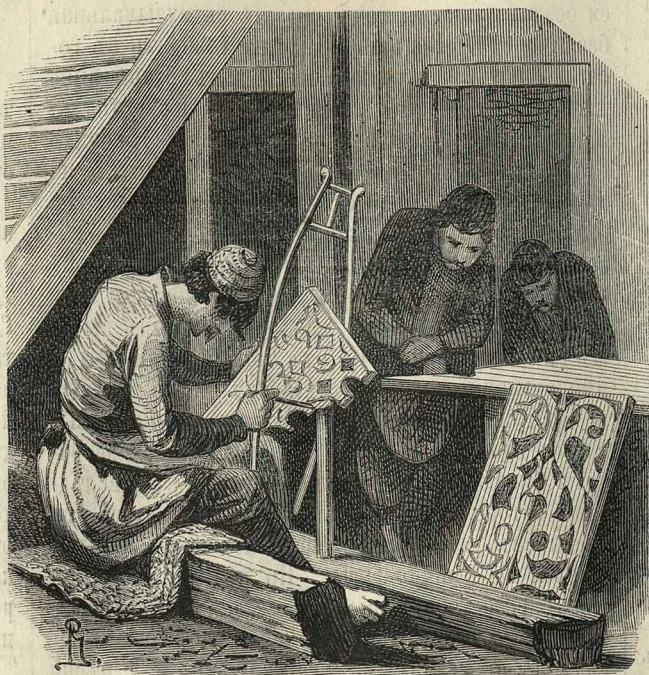
ра и пронизывающий ихъ первоначальный поль-
скій мотивъ въ скрипкахъ: все это не можетъ

въ самомъ дѣлѣ великолѣпная и нельзя не
сказать искренняго спасибо г. Сѣтову, такъ

мы можемъ смѣло погордиться передъ Европой
тѣми же Нижегородцами, которые стоятъ все та-

Армянинъ лавочникъ

Рѣзчики на деревѣ.

успѣшно радѣющему объ улучшеніи русской опер-
ной сцены.

Общее впечатлѣніе отъ всей оперы — утомле-
ніе. Причиной тому длинное либретто, сократить
которое можно бы было весьма удобно безъ ущер-
ба пьесѣ и частое отсутствіе драматическаго ин-

Миллионеръ.

не производить потрясающаго впе-
чатлѣнія на самаго равнодушнаго
слушателя. По больше такихъ зву-
ковъ и г. Направникъ замѣчатель-
ный композиторъ! — Встрѣча Ку-
ратова съ Ольгой также безцвѣт-
на и вяла, какъ безцвѣтны и вя-
лы ихъ арии. Вступленіе русскихъ
войскъ въ Кремль — гимнъ, до-
вольно обыкновенно торжественна-
го характера, отлично звучитъ,
разсчитанъ на два оркестра, съ на-
чала поочередно смѣняющихся, и
потомъ слитыхъ въ одно. Все вни-
маніе публики поглощено впрочемъ
давно уже сценой, всадниками, ко-
лодольнымъ звономъ; постановка

Серебряники.

тереса, замѣнить который музыка г. Направника
не всегда можетъ. Исполненіе во всѣхъ отноше-
ніяхъ прекрасное; г. Мельниковъ въ особенности
заслуживаетъ всякихъ похвалъ за художествен-
ное исполненіе своей партіи. Въ концѣ концовъ

ки выше всякихъ Донъ-Карло-
совъ — Верди, Ромео и Джульетъ —
Гуно и разныхъ Миньонъ — То-
маса.

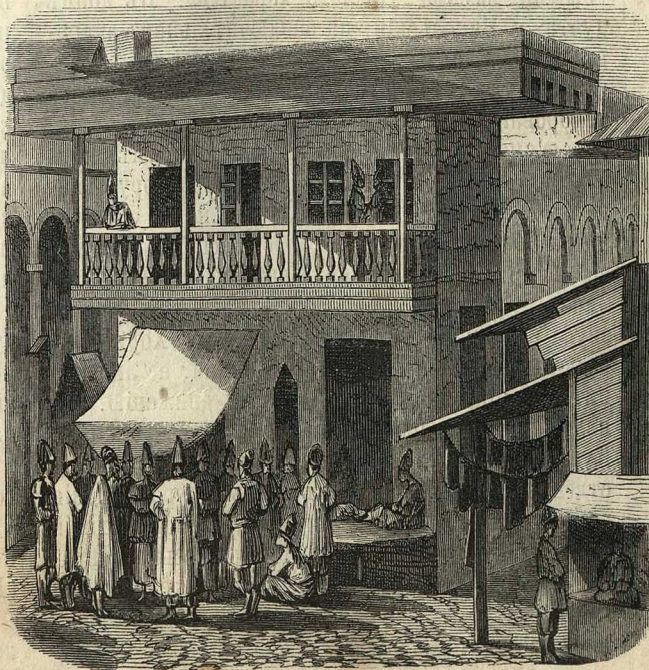
Н. Г.

Еще нѣсколько словъ о Тифлисѣ.

Тифлисъ одинъ изъ тѣхъ городовъ,
которые растутъ, такъ сказать, не
по днямъ, а по часамъ. Какъ адми-
нистративный центръ всего закавказья,
— какъ разсадникъ европей-
ской образованности, какъ богатый
потребитель товаровъ, привозимыхъ
изъ Россіи, Персіи, Турціи, Франціи
и Англіи, — какъ сборное мѣсто, слу-
жащихъ за кавказомъ властей и чи-

Уличный музыкантъ

Часть Майдана, татарскаго базара.

Муха (носильщикъ) съ бурдюкомъ вина.

новниковъ, — заѣзжихъ ученыхъ, путешественниковъ и даже художниковъ, — Тифлисъ не шута, по временамъ, имѣетъ видъ столицы Кавказа; все болѣе и болѣе принимаетъ формы европейскаго города, и только въ самыхъ древнихъ, первобытныхъ углахъ своихъ около Метеханли около татарской мечети не теряютъ еще своей прежней физиономіи; смѣло можно сказать, что пока въ иномъ русскомъ губернскомъ городѣ строить деревянный заборъ или ставить нѣсколько лишнихъ фонарей, въ Тифлисъ успѣютъ вырасти трехъ этажные многобалконные дома, воздвигнутся мосты, храмъ, памятникъ, и прежнія предмѣстья, состоящая изъ кучки низменныхъ саклей, успѣютъ превратиться въ части города, съ правильными улицами, лавками и магазинами.

Кто не былъ въ Тулѣ, Орлѣ, Калугѣ или Базанѣ, тотъ не знаетъ, что такое городъ, да мало найдешь въ нихъ новаго; — но кто въ Тифлисъ не былъ лѣтъ десять и воротится, тотъ замѣтитъ на сколько въ это время и выросъ и украсился городъ.

— Отъ чего это? спросилъ я однажды одного мѣстнаго философа. — Да отъ того, отвѣчалъ философъ, что построить большой дворецъ — не такъ легко, какъ построить и украсить павильонъ; а что же такое вся Грузія въ отношеніи къ Россіи какъ не павильонъ — стоитъ имъ только заняться и павильонъ будетъ выстроенъ гораздо прежде, чѣмъ обширный дворецъ будетъ вчернѣ возведенъ до втораго этажа.

Это разсужденіе, признаюсь, не совсемъ вѣрно. Гораздо лучше просто на просто сказать, что поставьте любой губернской городъ въ Россіи въ такія же выгодныя условія, создайте въ немъ такую же бездну служащихъ и отпускайте имъ такое же количество жалованья, сдѣлайте приманкою для тѣхъ, которые готовы повсюду броситься «на ловлю счастья и чиновъ», и вдобавокъ дайте такой же теплый климатъ, и тогда конечно онъ будетъ также видимо расти и процвѣтать, какъ растетъ и процвѣтаетъ наша столица Грузія.

Не всѣ пріѣзжающіе въ Тифлисъ на короткое время имъ восхищаются; я зналъ такихъ, которые проклинали свое любопытство. «Ну, что тутъ хорошаго?» говорили они: «горы кругомъ или каменные, темныя, или желтыя, выжженные солнцемъ и лишеныя всякой зелени. Лѣтомъ духота и даже выкупаться негдѣ, потому что гдѣ же купаться? не въ Курѣ же? Улицы, кромѣ Головинскаго проспекта, узкія, кривыя, вонючія и что всего хуже чадныя, — что же тутъ хорошаго?»

Не такъ отзывался о Тифлисъ тотъ, кто пожилъ въ этомъ городѣ, изучилъ его и свыкся съ нимъ. Трудно не любить Тифлисъ тому, кто привыкъ къ его климату, къ его винограду, къ его окрестностямъ и къ его добродушнымъ гостеприимнымъ жителямъ. Вспомнимъ еще, что это чуть ли не единственный городъ, (*) гдѣ цивилизованный русскій,

чувствуетъ, что здѣсь Россія можетъ и должна имѣть свое умственное и нравственное вліяніе, чувствуетъ, что именно здѣсь, на рубежѣ Азіи, мы хоть что нибудь да сдѣлали: пробили дороги, построили церкви, сберегли кой какія развалины, изучили нравы и отчасти исторію края, познакомили массу туземцевъ съ театромъ, съ европейской музыкой, съ литературой; однимъ словомъ, хоть что нибудь да сдѣлали. Желѣзныя дороги, соединивъ Тифлисъ съ морями Каспійскимъ и Чернымъ, дадутъ современъ, новые толчки для его развитія и процвѣта-

Крыльцо съ ступеню шаткою

Купается въ рѣкѣ;

т. е. въ Курѣ, и дѣлаетъ ошибку: ни какое крыльцо, да еще съ шатками ступенями, въ Курѣ купаться не можетъ — его снесетъ при первомъ подъемѣ воды, что случается не рѣдко: весной или послѣ дождей, пролившихся надъ горами, идущими вдоль Куръ почти отъ самаго ея истока и до самаго Тифлиса.

Г. Полонскій, который когда-то жилъ въ Тифлисъ, въ стихотвореніи своемъ «Старый сочинитель» говоритъ:

Кура шумитъ, толкаясь въ
темный
обрывъ скалы живою вол-
ной;
На той скалѣ есть домикъ
скромный,
Съ крыльцомъ надъ самою
крутизною.

Такихъ крылецъ или, вѣрнѣе сказать, балконовъ надъ Курой, въ Тифлисъ, въ старое время, было много, и дремать на такихъ балконахъ

Среди прохлады вѣющей
Надъ самою Курой —

было конечно не послѣднимъ наслажденіемъ, особливо въ знойныя Тифлисскія ночи.

Быстрота рѣки Куръ, подобно всѣмъ почти рѣкамъ за Кавказомъ, съ особенной пользою приложена только къ устройству мельницъ; одну изъ такихъ мельницъ вы видѣли на рисункѣ (въ № 3); вы видите, что стоитъ только погрузить въ воду край колеса, чтобы заставить его двигаться, двигать весь механизмъ мельницы и вращать жерновъ; не значитъ ли это, что сила естественнаго теченія въ этихъ рѣкахъ замѣняетъ силу искусственно придуманнаго паденія воды, — однимъ словомъ, для мельницъ въ Грузіи не нужны ни плотины, ни шлюзы.

Но перебѣгая съ рисунка на рисунокъ изъ числа представленныхъ вамъ въ нынѣшнемъ и 3 № Иллюстраціи, остановимся на нѣкоторыхъ изъ нихъ, а именно: на пурнѣ, гдѣ продаютъ хлѣбы, на рѣзчикахъ изъ дѣрева, и на серебряныхъ дѣлѣ мастерахъ, подъ чернѣ отдѣлывающихъ украшения для книжалоу, поясовъ и збруи, серебряныя пуговицы, женскія сережки и пр. и пр.

Всѣ эти мастерскія на виду и, такъ сказать, на улицѣ; какими ремеслами занять Тифлисъ, можно видѣть, проходя вдоль армянскаго базара, по майдану, и до самаго баннаго мѣста. Зимой, нерѣдко увидите вы въ этихъ, настежъ отворенныхъ мастерскихъ, мангалы, или жаровни, которые согрѣваютъ работающихъ вмѣстѣ печей. Мангалы эти въ сакляхъ, гдѣ остаются женщины, — въ холодные зимніе дни они ставятся у ногъ и покрытыя одѣлами долго сохраняютъ тепло. Въ Тифлисъ морозъ въ 2 градуса, для жителей, обитающихъ въ старыхъ постройкахъ великое бѣдствіе; эти 2 градуса могутъ заморозить ребенка въ колыбели, или старуху на полу, если ночью потухнетъ огонь или не будетъ въ мангалахъ горящихъ угольевъ.

Кто хочетъ ближе ознакомиться съ уличной жизнью Тифлиса, пусть возьметъ сочиненія Полонскаго; тамъ онъ найдетъ бойко-набросанныя картины, необычайно вѣрныя, по отзывамъ всѣхъ издававшихъ Тиф-

Циркъ Гинне. (Съ рисунка художника Тойжеля).

нія. Если когда нибудь опять какое нибудь землетрясеніе не надломитъ этого города, это будетъ одинъ изъ блистательнѣйшихъ городовъ, и селиться въ немъ будетъ много охотниковъ.

Тифлисъ и теперь былъ-бы гораздо лучше, если бы рѣчка Кура была судоходна — но она такъ быстра, что несетъ одни только плоты, управляемые прилаженными къ нимъ рулями — и несетъ ихъ въ часъ верстѣ по 16-ти. На этой Курѣ нельзя не только кататься въ лодкѣ, безъ особенной привычки и снаровки, но нельзя рѣшиться и на то, чтобы въ зной выкупаться, — такъ трудно ладить съ ея быстрымъ теченіемъ.

Лермонтовъ въ одномъ превосходномъ своемъ стихотвореніи «Свиданіе», какъ-бы глядя на Тифлисъ, говоритъ:

Твой домикъ съ крышей гладкою
Мнѣ виденъ въ далеѣ,

(*) Авторъ забываетъ напр. о Вильнѣ, которая только въ послѣднее время, благодаря русскимъ, приняла нѣсколько европейскую наружность. Ред.

лись. Картины до того вѣрны, что вновь прїѣхавшіе въ Тифлисъ въ письмахъ къ своимъ друзьямъ, просившимъ описать столицу Грузіи, прямо дѣлали выписки изъ Полонскаго, прибавляя что лучшаго описанія Тифлиса быть не можетъ.

Приведемъ и мы двѣ небольшія выписки изъ Полонскаго. Вотъ описаніе базара изъ стихотворнаго посланія къ Л. С. Пушкину:

Иду я дальше; множество портныхъ
Сидятъ на низенькихъ подмосткахъ, въ мѣховыхъ
Остроконечныхъ шапкахъ: рукава утюжатъ,
Обводятъ общлага черески заказной
Иль праздничной чухи тесьмою-золотой;
Усердно шьютъ и мнѣ усердно служатъ:
Изъ мѣдныхъ утюговъ огонь я достаю,
Чтобъ тутъ же закурить потухшую мою
Сигару—здѣсь курить начальство позволяетъ;
Пожаровъ никогда въ Тифлисъ не бываетъ,
Въ Тифлисъ просто нечемъ горѣть,
Здѣсь только можно загорѣть,
Что вѣроятно, всѣмъ знаетъ....
Вотъ, вижу я, цырунья; у дверей,
Круглится голова; поджавъ босые ноги,
Сидитъ благочестивый на пороѣ
Татаринъ; голову его бородабѣ
Нагнулъ поближе къ свѣту, выбрилъ, поскорѣй
Трипичей вытеръ, и къ окошку
Сушить повѣсилъ грязную вѣтешку...
Чего жъ вамъ больше!—Вотъ, кофейня, два кунца,
Два персїянина играютъ молча въ шашки;
Хозяинъ смотритъ, сумрачный съ лица;
А между тѣмъ бичо перебѣгаетъ чашки.
Въ пяти шагахъ, желая аппетитъ
Свой утолить, у небольшой харчевни,
Сослѣди работники, грузины изъ деревни;
Котлы кипятъ, горячій паръ валитъ,
Лепешекъ масляныхъ еще дымятся глыбы;
Кувшинъ съ виномъ подъ лавкою стоитъ,
А съ потолка висятъ хвосты копченой рыбы.
Вотъ, на полу какой-то кладовой,
(Вы здѣшніе дома конечно не забыли),
Два армянина, завязавъ отъ пыли
Глаза платкомъ, натянутой струной
Перебиваютъ шерсть. Насупротивъ, у лавки,
Гдѣ какъ то меньше толкотни и давки,
Усѣлся на скамѣ худой, невзрачный жидъ,
И на станкѣ тесьму и позументы
Прилежно ткётъ; за нимъ, на сундукѣ,
Откинувъ рукава, сидитъ въ архалукѣ
Млыла, въ сладостной надеждѣ на проценты...

А вотъ Тифлисъ вечеромъ изъ повѣсти «Тифлисскія сабли»:

«Въ Тифлисъ, во всѣхъ открытыхъ мастерскихъ... то-есть какъ открытыхъ? «Если напримѣръ, вамъ угодно подойти къ портному, остановитесь передъ его мастерской на тротуарѣ, и вотъ вы уже стоите около тѣхъ самыхъ подмостковъ, на которыхъ сидятъ работники, кто съ ножницами, кто съ утюгомъ, а кто и просто съ кускомъ сыру. Откидные длинные рукава этихъ ремесленниковъ — шапошниковъ, слесарей, оружейниковъ, портныхъ и сапожниковъ,—съ утра уже висятъ такимъ образомъ, что когда вы проходите по узкому тротуару, то задѣваете за нихъ и они болтаются.

«Я сказалъ: открытыхъ, то-есть незабранныхъ еще досками на ночь. Итакъ, въ Тифлисъ, во всѣхъ открытыхъ мастерскихъ, духанахъ, пурняхъ и лавкахъ, по всему протяженію Армянской. Базарной улицы и по всему Майдану (то-есть Татарской площади), по вечерамъ сидятъ со свѣчками. Каждый вечеръ вся эта улица и весь этотъ базаръ издали кажутся иллюминированными: каждый торговецъ старается какъ можно больше натянуть свѣчь, чтобъ освѣтить товаръ свой; обыкновенно съ потолка лавки спускается какой нибудь желѣзный пруть, и на нижнемъ загнутомъ концѣ его или вѣшается фонарикъ, или прикрѣпляется плашка, или-же просто такая дѣлается штука, въ которую можно вставить сальную свѣчу. Каждый вечеръ на этихъ улицахъ шумно и многолюдно. Въ хорошемъ расположеніи духа, да еще съ желѣзными нервами, весело иногда въ это время проходить или проѣзжать среди ярко озаренныхъ лицъ крикливыхъ торговцевъ и разноплеменной толпы, освѣщенной такимъ образомъ, что у идущихъ верхомъ видны только ноги да стремена, а у нищаго, уронившаго кофѣйку, блеститъ затылокъ. Шумъ, гамъ, взвизгиваніе мальчишекъ на всѣ возможные голоса, щелканье подковъ, глухой шумъ пробѣгающаго стада барановъ, побрякиваніе бубенчиковъ, когда на васъ натывается ешакъ съ перекидными кошолками, или скрипъ тяжелой, неповоротливой арбы, когда на встрѣчу къ вамъ осторожно, шагомъ, двигаются черные, ко всему на свѣтѣ равнодушные буйволы. Все это вечеромъ представляетъ картину чрезвычайно оригинальную, мѣстами темную, мѣстами фантастически освѣщенную. Часто по этой базарной улицѣ проѣзда нѣтъ, особливо какъ найдутъ верблюды или сопуты обозы, пришедшіе съ Нижегородской ярмарки»...

Б.—

НЕВѢСТКА.

(Повѣсть).

I.

Кончились послѣдніе экзамены послѣдняго курса университета, и я собрался къ брату въ деревню, на обычную лѣтнюю побывку. Торопливо и тревожно, на этотъ разъ, справлялся я съ разными мытарствами: прощаньями, визитами, покупками и пр., безъ которыхъ не обходится ни одинъ отъѣздъ изъ столицы на продолжительную отлучку. У меня на душѣ было не такъ спокойно и беззаботно-свѣтло какъ въ предыдущіе годы, когда, кромѣ радостнаго чувства вырвавшегося на волю школьника, да желанія скорѣе обнять брата, наговориться съ нимъ за весь годъ, я не ощущалъ ничего. Теперь мнѣ было какъ-то страшно: я зналъ, что меня встрѣтитъ братъ уже не одинъ, а съ женою.... О женитбѣ его, совершившейся самими неожиданнымъ для меня образомъ, я узналъ недѣли за двѣ передъ тѣмъ, какъ сдалъ послѣдній экзаменъ, отъ одного общаго знакомаго, который, при случайной встрѣчѣ со мною, сообщилъ мнѣ эту новость съ видомъ крайняго изумленія, и полувывсказываемаго недовѣрчиваго недоумѣнія. Извѣстіе это подтвердилось вслѣдъ затѣмъ письмомъ отъ самого брата, коротенькимъ, какъ всѣ его посланія, но исполненнымъ такой дружеской теплоты, что если и возникала у меня въ сердцѣ жалоба на него за то, что онъ допустилъ меня узнать о такой важной переизмѣнѣ въ жизни его отъ посторонняго человѣка, то это чувство немедленно изгладилось по прочтеніи его хорошихъ строкъ. Осталось только сомнѣніе — достойна-ли его та, которая, по словамъ его, уже два мѣсяца, «замѣняла ему весь старый міръ и каждый день открывала ему новый»; а затѣмъ, естественно, явилось нетерпѣливое желаніе собственнымъ наблюденіемъ удостовѣриться, насколько есть и есть ли основаніе моимъ опасеніямъ, вслѣдствіе чего и сократилъ я свои сборы съ какою-то лихорадочною поспѣшностью, вовсе несвойственной моему, вообще, весьма солидному характеру.

Бѣду я и думаю-раздумываю: «что такая за барыня?... Стараясь развлечь свои мысли, обратилъ ихъ на предметы обыкновенно составлявшія тему моихъ дорожныхъ, радостныхъ ожиданій въ эту счастливую весеннюю пору — на безцѣльные, безконечныя прогулки въ лѣсу съ ружьемъ и собакою, на задумчивыя, заполночныя бесѣды съ братомъ въ душистомъ, едва расчищенномъ саду, или въ его уютномъ кабинетѣ, у камина, безъ лампы и свѣчей, подъ шумъ крупнаго лѣтнаго дождя, хлещущаго по оконнымъ стекламъ и листьямъ березъ,—напрасно! Ничего въ голову нейдетъ: засѣлъ въ нея гвоздемъ неотвязчивый вопросъ: «что такая за барыня моя новая невѣстка»? И ноетъ душа, болитъ отъ непонятнаго страха и сомнѣнія. Дѣло въ томъ, что, если-бы я вовсе не зналъ той, которая такъ неожиданно стала ко мнѣ въ такія близкія отношенія, мнѣ было-бы легче. Находясь я въ совершенной неизвѣстности, не было бы пищи моимъ догадкамъ и опасеніямъ, я бы не создавалъ себѣ разныхъ мудреныхъ вопросовъ, и спокойно ожидалъ бы предстоящей встрѣчи, съ чувствомъ простаго любопытства. Но я отчасти зналъ Варвару Николаевну: я ее изрѣдка видалъ въ томъ, главнымъ образомъ литературномъ и учено-политическомъ обществѣ, которое я посѣщалъ въ Петербургѣ, и очень часто слышалъ о ней. Я зналъ, что она вдова, поставленная обстоятельствами въ исключительно независимое положеніе; что она ведетъ совершенно одинокую жизнь, почти никого не принимаетъ, хотя и не чуждается общества, въ которомъ является смѣло и гордо, занимая въ немъ со спокойной самоуверенностью всѣмъ признанное за нею почетное мѣсто, и относясь ко всѣмъ, пользовавшимся болѣе короткимъ съ нею знакомствомъ, съ одинаковой, развязной, пріятельской непринужденностью. Красота ея и умъ признавались всѣмъ въ одинъ голосъ, но безъ особенныхъ выраженій восторга какъ обще-извѣстные, неподлежащіе оспариванію, факты. Меня отрекотендовалъ Варварѣ Николаевнѣ братъ, который познакомился съ нею тою же зимою, когда прїѣзжалъ не на долго въ Петербургъ по дѣламъ, но я не имѣлъ случая сойтись съ нею, такъ какъ ея обращеніе съ новыми лицами, особенно очень молодыми, хотя и безукоризненно внимательное, даже ласковое, не отличалось дружескимъ, вызывающимъ на откровенность и сближеніе. Пере-

монною ее нельзя было назвать — я, напротивъ, не видалъ женщины, менѣе подлежащей обвиненію въ жеманности, или излишней заботѣ о сохраненіи своего достоинства; но въ ней было нѣчто такое, что допускало къ ней только на извѣстную дистанцію, и что я въ умѣ своемъ называлъ отталкивающимъ. Я тогда уже начиналъ находить особенное удовольствіе въ занятіи, которое въ послѣдствіи сдѣлалось у меня положительной страстью, а именно въ томъ, чтобы наблюдать со стороны за лицами, почему бы то ни было выходящими изъ ряда дюжинныхъ явленій, и такимъ образомъ втихомолку составлять о нихъ свои сужденія, свои догадки. Слѣдуя этому инстинкту, мнѣ случалось по цѣлымъ вечерамъ наблюдать за Варварой Николаевной. Мнѣ трудно было оторвать глаза отъ ея строгой, нѣсколько надменной, осанистой фигуры, когда она, войдя своей неспѣшной, плавной походкою, прямо садилась на свое «любимое мѣсто», которое, безъ нея, обыкновенно такъ и оставалось незанятымъ. Расположившись на мягкихъ креслахъ въ лѣтнюю удобную позѣ, она вела оживленную бесѣду съ избраннымъ кружкомъ серьезныхъ, дѣльных людей, которые исподволь собирались около нея изъ разныхъ концовъ и угловъ гостиной, залы, кабинета, или вполголоса разговаривала съ болѣе близкими знакомыми, которые втеченіе вечера, поочередно, присаживались къ ней, или, наконецъ, молча вслушивалась въ какой-нибудь споръ, затѣянный специалистами. Когда, бывало, дамы поднимутся въ столовую, къ чайному столу, и хозяйка подойдетъ къ ней, просить ее туда же, Варвара Николаевна иной разъ послѣдуетъ за нею,—это впрочемъ случалось болѣе когда разговоръ по чужимъ либо приходился не по ней,—а то только улыбнется и проговоритъ шутливо, какъ бы въ извиненіе: «лѣнь!» и останется съ мужчинами, которымъ чай посылался на подносѣ. Вотъ эту то улыбку я никакъ не могъ уяснить себѣ—она-то и пугала меня за брата: она была для меня загадкою; въ ней были и умъ и сила и даже доброта, но не было ласки, а я зналъ, я чувствовалъ, что именно въ ласкѣ то всего болѣе и нуждается его бѣдное, теплое, ненасыщенное жизнью, сердце.

Я крѣпко любилъ брата, мало того—я понималъ его, и мы были съ нимъ друзьями, не смотря на значительную разницу въ лѣтахъ: онъ былъ десяти годами старше меня. Исполненная сила душевная, громадный умъ и знанія соединялись въ немъ съ удивительной иѣжностью и мягкостью. Когда я заслушивался его въ тѣ заповѣдныя часы, которые такъ рѣдко выдаются между людьми, даже самыми близкими другъ къ другу по сродности натуръ и понятій; когда вся святая сокровенная жизни настаетъ раскрывается передъ взоромъ друга,—мнѣ казалось, что я утопаю въ какой-то бездонной лазуревой глубинѣ, надъ которой носится божія гроза, или слушаю могучую симфонію, въ которой, надъ громовыми перекатами, негодующихъ порывовъ, льется—переливается томительная пѣсня святой тоски по счастью и любви. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ, для которыхъ нѣтъ предѣловъ, мѣроу, рамокъ, нѣтъ ничего половиннаго, темнаго, для которыхъ все цѣльно и ясно, все понятно, все—свое. Его личность, крупно и ярко выдѣлявшаяся изъ всего окружающаго и отмѣчавшая каждый его поступокъ, мысль, движеніе, совершенно своеобразнымъ клеймомъ, не отдѣляла его отъ остальнаго міра: онъ умѣлъ понимать и то, чего не раздѣлялъ, уважать и цѣнить даже то, противъ чего ратовалъ, различать подвдную чуждую струю подъ самыми мутными волнами житейскаго теченія. Въ своихъ отношеніяхъ съ людьми вообще, онъ ничего не требовалъ, бралъ ихъ, какими они давались ему, и находилъ въ нихъ много хорошаго; но въ личныхъ своихъ привязанностяхъ, былъ взыскателенъ до нельзя. Въ тѣхъ, кого онъ избиралъ изъ толпы для себя, онъ преслѣдовалъ свой идеалъ, а этотъ идеалъ былъ такъ высокъ и чистъ, что онъ нѣсколько разъ жестоко обрывался, хотя нападалъ, въ своемъ страстномъ исканіи, на весьма недюжинныхъ экземпляровъ рода человѣческаго, въ особенности женской половины его. Уже много лѣтъ, измученный, обезнадеженный, отрекся отъ напрасной погони и углубился въ безысходное душевное одиночество. Онъ не отрицалъ, впрочемъ возможности счастья—«для другихъ» и существованія хорошихъ женщинъ и даже умныхъ—«по своему и до извѣстной степени». «По дѣломъ мнѣ», говаривалъ онъ иногда съ добродушно грустной усмѣшкой, подъ которою, однако, не удавалось ему скрыть горькое чувство, холодной змѣей ше-

влившееся порою въ душѣ его: — «вольнѣ мнѣ требовать невозможнаго! Жмутся же добрые люди, и живутъ себѣ, благоденствуютъ. А отчего? Оттого, что умнѣ меня — ни въ какія поднебесья не забираются. Самъ знаю, что бабы народъ хорошій, да говорить съ ними нельзя: и видишь, что любить, и самъ любишь, а разлетишься съ открытой душой, тутъ, глядишь — и перегорodka; стукнешься лбомъ — только искры посыпятся. Ну, постукался, да и будетъ — бросилъ; этакъ-то лучше, право лучше — спокойнѣе». А усамого голосъ прерывается, лицо передергивается...

Могла ли же наполнить собою эту бездну душевную женщину, которую, по личнымъ впечатлѣніямъ и постороннимъ отзывамъ, я представлялъ себѣ достойной глубокаго уваженія, по ея замѣчательному уму, обширнымъ познаниямъ, незапятнанной строгости жизни, но заставившей, очерстѣвшей отъ неизвѣстныхъ мнѣ причинъ — внутреннихъ ли, или нанесенныхъ обстоятельствами, этого я рѣшить не умѣлъ.

А я между тѣмъ, все ѣду да ѣду; только лѣсъ да рошъ мелькаютъ по сторонамъ, да колокольчикъ звенитъ также неумолчно, какъ въ головѣ моей докучливое сомнѣніе. Я досталъ изъ бокового кармана порядкомъ уже поискомканное письмо брата и въ сотый разъ перечиталъ его... «Пріѣзжай — какъ скорѣе», такъ оканчивалось оно; — «писать, ты знаешь, я не охотникъ, да и о такихъ вещахъ не пишу. А душно мнѣ, сердце проситъ живой души: мнѣ нужна другая грудь, твоя грудь, въ которую бы вылить избытокъ счастья, отъ котораго моя разрывается»... Эти восторженные слова вконецъ меня сбивали. Я зналъ, что братъ отъ роду не сказалъ ни одной фразы, по этому я ихъ безусловно принималъ за чистую монету; но *отъ него*, отрицавшагося уже отъ всякой надежды, мнѣ невыразимо странно было подобное изліяніе. Я и самъ приучилъ себя къ мысли, что нѣтъ той женщины, которая бы для него годилась, и вдругъ!... «Или тутъ новая страшная ошибка, которая окончательно разобьетъ его, или невозможная полнота счастья», рѣшилъ я про себя, кладя письмо обратно въ бумажникъ и прижимаясь въ уголъ тарантаса, съ какою то отчаянной рѣшимостью не мучить себя болѣе по пустому загадкѣ, наличное разрѣшеніе которой близилось съ каждымъ поворотомъ колеса. Наконецъ весенній воздухъ, физическая и нравственная усталость взяли свое, я сталъ забываться и заснулъ. Последнюю, явственно сознаваемую мною, мыслью было твердое намѣреніе, въ случаѣ если бы оправданы мои опасенія, если бы счастье брата дѣйствительно оказалось основаннымъ на ошибкахъ, ни однимъ взглядомъ, ни однимъ словомъ не выдавать моего подозрѣнія, даже всѣми силами поддерживать его блаженное самообольщеніе — такимъ холоднымъ ужасомъ обдавала меня одна мысль о возможности пробужденія его изъ упоительнаго сна, такъ чистосердечно принимаемаго имъ за дѣйствительность.

II.

Былъ уже темный вечеръ, когда я очнулся, разбуженный толчкомъ, когда ямщикъ внезапно осадилъ лошадей передъ крыльцомъ. Я не предупредилъ заранее о днѣ моего пріѣзда, и потому меня не ждали. Однако на звонъ колокольчика, выбѣжали двѣ фигуры, мужская и женская, съ фонаремъ. Женская фигура, узнавъ меня, бросилась обратно въ домъ, уже съ крыльца во все горло провозглашая:

— Братецъ пріѣхалъ!

Мужская фигура проворно занялась вытаскиваніемъ изъ тарантаса моего нехитраго походнаго багажа.

Я вошелъ въ сѣни, торопливо скинулъ въ первый уголъ пальто и шапку, и уже направлялся къ двери, сквозь щель которой видѣлся огонь, какъ она растворилась, вышелъ братъ и молча, крѣпко, какъ то торжественно обнялъ меня. За нимъ стояла Варвара Николаевна, вся въ бѣломъ, и держала свѣчу, съ абажуромъ, выше головы; она показала мнѣ еще красивѣе при этомъ причудливомъ освѣщеніи. Когда я обратился къ ней, она мнѣ протянула руку, которую я поцѣловалъ и невольно, какъ то нервно крѣпко пожалъ; затѣмъ мы все трое направились далѣе, черезъ залу и гостиную въ кабинетъ, все еще не обмѣнявшись ни однимъ словомъ. Мы съ братомъ машинально присѣли на широкій, низкій диванъ. Варвара Николаевна первая прервала молчаніе.

— Не думали вы увидѣть меня *здѣсь*, когда мы

въ послѣдній разъ встрѣтились у М. и вы еще, — помните? — доказывали мнѣ, что высшая умственная жизнь, пожалуй, доступна до извѣстной степени женщинѣ, но не годится для нея, потому что сушитъ ее!

— Послушайте, Варвара Николаевна, это съ вашей стороны не великодушно, началъ было я, сконфуженный этимъ намекомъ на весьма памятный мнѣ разговоръ и добродушно лукавой улыбки, сопровождавшей его: — могъ-ли я тогда предполагать...

— Что ваше оружіе нацѣлено не въ бровь, а прямо въ глазъ нареченной жени вашего высокопочтеннаго, всецѣло преданнаго наукѣ и разочарованію брата? дополнила она, и залилась чистосердечнѣйшимъ хохотомъ.

Брата эта вступительная перестрѣлка видимо потѣшала.

— Кто старое помянетъ, — знаете? — вмѣшался онъ комически-авторитетнымъ тономъ: — я, какъ старшій въ родѣ и хозяинъ сихъ обширныхъ владѣній, беру съ васъ торжественную подписку не нарушать общественнаго покоя. А ты, гдѣ-бы накормить, да напоить гостя съ дороги, поднимаешь съ нимъ войну, а еще русская хозяйка!

Онъ весело покачалъ головою на жену и она удалась быстрыми, легкими шагами, сперва еще разъ протянувъ мнѣ руку съ такимъ искреннимъ, радужнымъ движеніемъ, на которое я не могъ не отвѣтить честнымъ, теплымъ пожатіемъ.

— Такъ ты успѣлъ уже и поспорить съ нею? началъ братъ, лишь только мы остались одни: — погоди, любезный другъ, поживешь — еще не то будетъ. Да, съ ней спорить можно, продолжалъ онъ внезапно измѣнившимся, уже не шутивнымъ, а глубоко прочувствованнымъ тономъ: — и говорить можно. То, чего я всю жизнь напрасно добивался, и какъ тебѣ извѣстно пересталъ добиваться, далось мнѣ само, когда мнѣ и въ голову уже не приходила возможность личнаго счастья. Она умѣетъ уступитъ, не подчиняясь, умѣетъ баловать — и спорить. Впрочемъ, не стану еще говорить тебѣ о ней; ты знаешь до сихъ поръ только ея умъ; душа ея, покуда, закрытая для тебя книга, и потому всѣ слова мои, въ настоящую минуту, ты, весьма естественно, принялъ за распадъ влюбленнаго; — а вотъ поживи, да присмотришься къ ней, потолкуй съ нею — самъ заговоришь о ней. А теперь расскажи-ка лучше, что дѣлается въ Петербургѣ. Какъ ты намерѣнъ Надю передъ отъѣздомъ твоимъ? По послѣднимъ ея письмамъ мнѣ что-то сдается, что она не спроста хвораетъ, какъ усердно старается увѣрить меня. Тоскуетъ она, должно быть, по своему сынишкѣ, и кашель этотъ упорный, что ни говори она, страшитъ меня.

Я рассказалъ про сестру, которую я дѣйствительно оставилъ не въ мѣру потрясенной смертью, послѣдовавшей весьма скоро за смертью ея мужа, шестилѣтняго малютки сына, несмотря на то, что оставалась у нея дочка, прелестный двухлѣтній ребенокъ. У насъ только и была эта одна сестра, Надя, и обоимъ намъ она была чрезвычайно дорога: братъ нянчилъ ее на рукахъ, а я росъ вмѣстѣ съ нею. Замужъ она вышла рано, за человѣка, хотя и не глупаго, не злаго, но грубоваго душою и неспособнаго оцѣнить и уберечь эту нѣжную, чуткую натуру. Къ тому же она была слаба здоровьемъ, и медленно чахла на нашихъ глазахъ, хотя постоянно отшучивалась отъ нашихъ допросовъ, приписывая кашель, въ особенности насъ тревожившій, то одной случайной причинѣ, то другой. По этому намъ часто случалось говорить о ней, и отъ подобныхъ разговоровъ всегда становилось грустно и тяжело. Такъ и этотъ разъ, мы бы долго еще протолковали о ея незавидной долѣ, если бы не вошла Варвара Николаевна и не позвала насъ ужинать.

(Окончаніе будетъ).

ЕЛЕТОНЬ.

Петербургскіе типы.

(Рисунки художника С. Александровскаго; рѣзалъ на деревѣ граверъ Его Императорскаго Величества Л. А. Сѣряковъ).

Нужно-ли читателю представлять вамъ выведенныя здѣсь личности, знакомить васъ съ ними; или вы (если петербургскій житель) и безъ того давно ихъ знаете и смотрите теперь на нихъ съ

тою полуулыбкою, какою обыкновенно привѣтствуютъ старыхъ знакомыхъ. Если вы были сегодня на Невскомъ, то сегодня же навѣрно встрѣтили и № 3 и № 1 и № 8. Упомянулъ я ихъ въ такомъ порядкѣ для показанія той іерархической послѣдовательности въ которой стоятъ другъ къ другу эти три вида одного и того-же типа или вида млекопитающихъ. На нисшей ступени стоитъ № 3, на высшей № 8, а переходъ отъ 3 къ 8 представляетъ собою № 1. Встрѣтили вы ихъ должно быть такъ: № 3 (извѣстный болѣе подъ уменьшительнымъ именемъ Петиньки такого-то или Колинки... какъ бишь его?) будемъ называть его, для краткости Петинькою Иксъ или д'Иксъ (какъ онъ самъ себя пишетъ), — шелъ съ тѣмъ прелестнымъ шикомъ съ какимъ схватилъ его художникъ, и шелъ такъ, чтобы видно было, что онъ не по дѣлу какому идетъ, а просто гуляетъ себѣ, въ принятый для этого часъ, по Невскому, какъ свѣтскій молодой человѣкъ. Чтобы казаться такимъ, Петинька тщательно пригналъ къ своему костюму всѣ модныя черты. Вообще, къ модѣ онъ чувствуетъ благоговѣйное уваженіе и соблюдаетъ самыя малѣйшія ея требованія, всякими правдами и неправдами. Наголовѣ у него напр. вы видите модную чистенькую шляпу; онъ одинъ изъ первыхъ надѣлъ ее; внутри ея на днѣ отпечатано имя Bruno; но увы! шляпа эта на самомъ дѣлѣ и не видала магазина Bruno, а вышла изъ подвала одной изъ шляпныхъ лавченокъ, помѣщающихся около Апраксина ряда, и въ нее только вложено дно шляпы Bruno, которую уже нѣсколько лѣтъ какъ Петинька сносилъ. Но кромѣ его самого да Господа Бога этого никто не знаетъ. Дно это долго еще будетъ составлять Петинькѣ экономію на каждую шляпу рубля въ четыре. Пальто его также не безъ исторіи. Наблюдательный глазъ остановится прежде всего на какомъ то странномъ, *глухомъ* цвѣтѣ этого пальто и его легкой немохнатости, но шершавости. Что это за матерія такая? спрашиваютъ Петиньку. «Не помню право» отвѣчаетъ онъ, «какая-то англійская: мекадамъ, микензи, что-то въ родѣ этого. Не правда-ли оригинально?» А между тѣмъ, увы! эта англійская матерія есть не болѣе какъ изнанка русскаго трико. Петинька перевернулъ свое старое пальто и стало оно новымъ. Такъ-то изворачивается онъ въ трудныхъ обстоятельствахъ жизни. Долго ему не давалось искусство носить одноглазку; кривлялъ онъ, кривлялъ себѣ рожицу, все выпадаетъ проклятая одноглазка; сидитъ у него точно припиленная. Мундштукъ изъ очень плохой пенки подарила Петинькѣ, ко дню его ангела, мамаша и сестра, сложившись вмѣстѣ, чѣмъ доставили ему большое удовольствіе. Сигару, которая курится въ его мундштукѣ, Петинька, унесъ изъ гостей, гдѣ ему предложили ее послѣ обѣда, а онъ спряталъ ее въ карманъ и приберегъ до Невскаго. Изъ кармана его пальто торчитъ довольно тонкій батистовый платокъ; такихъ платковъ у Петиньки всего два и единственное ихъ назначеніе торчать изъ кармана; для сморканія-же есть у него другіе, простые. Эти батистовые платки подарила ему его другая сестра изъ своей единственной дюжины, чѣмъ Петинька остался не доволенъ, находя, что могла бы она ему подарить и полдюжины.

Но куда же это направляется Петинька или онъ въ самомъ дѣлѣ только прогуливается? Нѣтъ, не безъ цѣли идетъ онъ. Идетъ Петинька со Знаменской, къ однимъ своимъ *близкимъ* знакомымъ, живущимъ въ малой Коломнѣ и по самому нужнѣйшему человѣческому дѣлу, именно чтобы обѣдать. Видъ небрежно гуляющаго онъ напустилъ на себя только на Невскомъ; но пройдетъ онъ Невскій, повернетъ въ менѣ фешенебельныя улицы, справится въ окнѣ часового магазина или на Публичной библіотеки съ часами и, если нужно, то прибавитъ шагу (Петинька при надобности очень рысистъ); а то оглянувшись не видитъ ли кто изъ знакомыхъ, влезетъ за пятачекъ и въ дилижансъ. Своихъ часовъ у Петиньки нѣтъ; для знакомыхъ они у него всегда стоятъ или въ починкѣ; за то у него есть очень приличная съ виду

цѣпочка, носимая имъ на два борта. Попадеть Петинька къ своимъ близкимъ знакомымъ за полчаса до ихъ обѣда, посидитъ, расскажетъ какое-нибудь ужасное происшествіе, или ходячую сілетню, потомъ сядетъ вмѣстѣ съ хозяевами за обѣдъ. Къ Петинькѣ тамъ такъ привыкли (является онъ по крайней мѣрѣ разъ въ недѣлю), что уже и не оставляютъ его особо обѣдать, зная, что онъ и самъ останется, да и прислуга съ его приходомъ прямо ставитъ на столъ лишній приборъ. Послѣ обѣда, если хозяева ѣдутъ въ театръ, навязется къ нимъ въ ложу и Петинька; а нѣтъ, такъ посидитъ съ часъ, другой, нагонитъ зѣвоту на хозяйку, которая, впрочемъ не стѣсняясь, вздремнетъ при немъ на кушеткѣ, потомъ возьметъ шляпу, откланяется и пойдетъ или домой или къ

тинька, разумѣется, не замедливъ явиться, пройдя для этого съ самымъ небрежнымъ видомъ верстѣ 6; а знакомые то совсѣмъ забыли объ немъ, взяли да и уѣхали куда то сами. Пошелъ Петинька домой съ проклятіями въ душѣ и бурчаніемъ въ голодномъ желудкѣ; тщательно пересмотрѣлъ онъ на пути всѣ свои карманы, но кромѣ 25 коп. въ портмоне ничего не нашель. (Еще-бы! чтобы у него завалилась мелочь...) Шелъ онъ, шелъ, приставать даже началъ; наконецъ зашелъ въ ресторанъ Пассажа. У! какіе славные куски говядины, рыба, рабчики... да вѣдь все это стоитъ дороже четвертака, а спросить, что именно стоитъ и выбрать что нибудь въ 25 коп. неловко. Взялъ Петинька газету (французскую) и высматриваетъ оттуда на при-

дался кого нибудь и поднадувши этимъ самого себя, а также и увѣренный что надулъ прохожихъ отправился далѣе.

Изъ всѣхъ общественныхъ удовольствій, Петинька почему-то особенно любитъ маскарады, хотя постоянно шатается въ нихъ одинъ, или маскарадной сиротою, не смотря на то, что прѣзжаетъ изъ первыхъ и уѣзжаетъ изъ послѣднихъ. Для порядочныхъ женщинъ изъ своихъ знакомыхъ онъ слишкомъ не занимателенъ, а для полудамъ или кокотокъ онъ не интересенъ въ денежномъ отношеніи. Известно, что эти барыни обладаютъ, относительно чужихъ кармановъ, двойнымъ зрѣніемъ и насковозъ ихъ видятъ, а въ Петинькиномъ карманѣ видѣть почти ничего не приходится. «Чортъ знаетъ, что такое» ворчитъ

ПЕТЕРБУРГСКІЕ ЗИМНІЕ ТИПЫ.

(Рисовалъ С. Александровскій. Грав. Л. А. Спиряковъ).

№ 1.

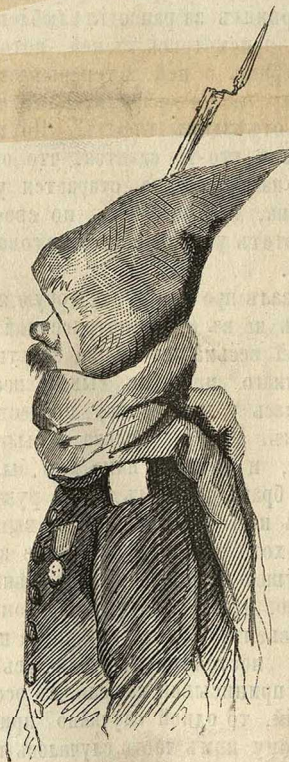
№ 2.

№ 3.

№ 4.

№ 5.

№ 6.

другимъ знакомымъ на чай. И такъ-то, каждый день, въ потѣ лица своего, снискиваетъ себѣ Петинька дневное пропитаніе. Кухмистерскіе обѣды Петинька презираетъ; во первыхъ, онъ находитъ что онѣ отвратительно приготовлены, а во вторыхъ—«чортъ знаетъ что за общество на нихъ собирается»; а общество, т. е. такъ называемое хорошее или порядочное общество, или свѣтъ, составляетъ, какъ и мода, пунктъ Петинькинаго помѣшательства; къ нему онъ стремится всѣми силами своей маленькой душошки, поклоняется передъ нимъ и боится его.

При этихъ хожденіяхъ за хлѣбомъ насущнымъ, съ Петинькой иногда случаются прегрустные происшествія. Сказали ему напр. разъ у однихъ знакомыхъ приходиться въ такой-то день обѣдать; Пе-

лавокъ. Наконецъ, видѣть онъ подошла къ прилавку какая-то толстая шуба, въ фуражкѣ съ кокардой, изъ подъ которой выглядывала самая бурбонская рожа (№ 2). «А позвольте спросить» заговорила она хриплымъ басомъ, «что стоитъ это самое блюдо» и ткнула при этомъ пальцемъ на какую-то тарелку.—25 коп. отвѣчалъ приказикъ. «Давай его сюда». Петинька какъ будто вышелъ изъ углубленія и съ презрительной гримасой сказалъ: «дайте и мнѣ, пожалуй, этого». Что съѣлъ онъ за этимъ хлѣба—страсть. Но аппетитъ его не утомился, а только възгорался отъ такой закуски; однакожъ Петинька, выходя изъ ресторана, скорчилъ мину человѣка плотно поѣшного, постоялъ немного на ступенькахъ лѣстницы, ковыряя въ зубахъ и дрыгая ножкой, словно дожи-

обыкновенно Петинька, выходя изъ маскарада и торгуясь съ извозчикомъ, «хоть бы одна дура какая подошла, просто даже неловко передъ знакомыми». И на слѣдующій маскарадъ онъ умаливаетъ ѣхать съ нимъ свою замужнюю сестру; онъ хочетъ даже привезти ей билетъ (для чего впрочемъ ему придется «перехватить» у пріятеля «до завтра») только чтобы сестра походила съ нимъ по залѣ; онъ ей божится, что будетъ очень весело.

Что же такое этотъ Петинька и какъ онъ такимъ сложился? Петинька одинъ изъ членовъ многочисленной семьи, оставленной по себѣ его папенькой, служившимъ всю свою жизнь въ Петербургѣ и передъ смертью занимавшемъ довольно хорошее мѣсто. Далѣе папеньки родовыя вос-

поминания въ семействѣ Петиньки не идутъ. Со смерти папеньки, осталась маменька съ большимъ числомъ дѣтей мужскаго и женскаго пола на рукахъ, изъ которыхъ одинъ только старшій сынъ былъ въ университетѣ, а остальныхъ надо было еще пристраивать; пенсіонъ маменька получала послѣ папеньки очень небольшой. Трудно пришлось бѣдной женщинѣ, но съ помощью добрыхъ людей, просьбъ, поклоновъ и искательствъ, поразговала она наконецъ своихъ дѣтей въ разные воспитательныя заведенія, и казна-матушка снабдила ихъ нужнымъ образованіемъ. Помогалъ ей въ ея заботахъ не мало старшій сынъ, изъ котораго вышелъ дѣльный и рабочий человѣкъ. Прошли года, дочери, протанцовавши съ шарфомъ и продекламировавши по французски на

возили своихъ дѣтей играть съ дѣтьми папеньки, слѣдовательно и съ Петинькой, возили и его играть съ богатыми дѣтьми. Были у Петиньки няня нѣмка и гувернантка французженка; но все это измѣнилось со смертью папеньки. Въ квартирѣ маменька переѣхала маленькую, гувернантокъ отпустила, богатое знакомство кончила. Многихъ изъ товарищей своего дѣтства видитъ теперь Петинька: одного въ блестящей каскѣ съ орломъ, другаго элегантнѣйшимъ юношею въ первыхъ рядахъ театровъ, но они едва удостоиваютъ узнавать его. Глубоко завидуетъ имъ Петинька. «Вѣдь вотъ», думаетъ онъ, «у нихъ не умирали папеньки, а если умирали, то оставляли что нибудь, а я вотъ... бѣдствуй теперь», и Петинька «своимъ умомъ» доходитъ до убѣжденія

принадлежащаго ему не имѣть.» На самомъ-же дѣлѣ полиція и этимъ польстила Петинькѣ, такъ какъ костюмъ его въ то время былъ сборный: сюртукъ, который былъ на немъ, ему далъ братъ поносить; брюки онъ купилъ въ долгъ у одного пріятеля и вполнѣ ему принадлежали только одни старые сапоги, къ которымъ онъ уже два раза дѣлалъ новыя подметки. Послѣ этого появленія полиціи, братъ ему задалъ такого нагоняю, что Петинька на долго отказался дѣлать долги и, призвавъ на помощь всѣ свои способности и находчивость, рѣшился устроиться съ 30 рублями въ мѣсяцъ (въ нихъ-же и столъ ему полагался; братъ его обѣдалъ въ клубѣ, а дома стола не держалъ). Для этого Петинька рѣшился пуститься въ свѣтъ; возобновилъ нѣкоторые знакомства,

ПЕТЕРБУРГСКІЕ ЗИМНІЕ ТИПЫ.

(Рисовалъ С. Александровскій. Грав. А. А. Спиряковъ).

№ 7.

№ 8.

№ 9.

№ 10.

№ 11.

№ 12.

публичномъ экзаменѣ, повыходили изъ заведеній, одна съ похвальнымъ листомъ другая съ шифромъ и скоро нашли себѣ жениховъ; младшіе сыновья еще учились, а Петинька года два какъ кончилъ гимназію, отсидѣвши чуть не въ каждомъ классѣ по два года; въ университетъ Петинька не годился; на службу его до сихъ поръ опредѣлить не удалось, самъ Петинька имѣлъ единственную, ясно опредѣлившуюся наклонность: это къ шалопайству съ аристократическими замашками, которые не шли къ нему ни по рождѣ, ни по обстоятельствамъ. Струнка эта въ него запада еще съ дѣтства; когда папенька былъ живъ, то его казенная квартира была очень большая и красивая, жилъ папенька довольно богато; ѣздили къ нему разные знатные и богатые люди и при-

что много есть несправедливаго въ социальномъ устройствѣ человѣчества.

Поселилъ у себя Петиньку братъ его. «Комнату я тебѣ пожалуй дамъ, и будешь получать ты отъ меня 30 рублей въ мѣсяцъ; съ этимъ поворачивайся какъ знаешь. Только смотри у меня Петька,» сказалъ онъ ему, «долговъ не дѣлать, я ихъ не заплачу, своими знакомыми мнѣ не докучать и вообще вести себя тихо.» Въ томъ, что братъ говорилъ не на вѣтеръ, Петинька скоро убѣдился, рассчитывая на его помощь, онъ задолжалъ, и портному, и сапожнику; но братъ объ этомъ не хотѣлъ и знать. Явилась къ Петинькѣ полиція описывать имущество, но послѣ самаго тщательнаго разслѣдованія составила актъ, что Петинька «кромѣ носимаго на себѣ платья ничего

сдѣлалъ новыя и сталъ появляться у однихъ обѣдать, у другихъ на вечерахъ. Къ нему всѣ какъ то очень скоро привыкли, звали не иначе какъ Петинькой и визитовъ не отдавали, чѣмъ онъ былъ очень доволенъ, ибо не любилъ знакомить *свѣтъ* со своей роднею, конфузился ея негромкихъ именъ и не блестящаго положенія въ свѣтѣ. Петинька любилъ и цѣнилъ только то, что могло задать тонъ. Теперь у него жизнь течетъ чрезвычайно ровно и спокойно; и братъ его доволенъ имъ, доволенъ тѣмъ по крайней мѣрѣ, что «не видать этого шалопая, не торчить онъ на глазахъ, по цѣлымъ днямъ, безъ дѣла и денегъ не просить.»

Двѣ только заботы и отравляютъ Петинькино существованіе; одна проявляется только по временамъ, другая постоянная. Первая эта о требо-

ваніяхъ моды. Она часто мѣняется въ Петербургѣ: не успѣетъ Петинька сдѣлать себѣ длиннаго сертука какъ, смотритъ, начали носить короткій, сошьетъ широкія брюки, глядъ носить узкія, да еще съ *ламтасомъ*. Вотъ и умудряется тутъ поспѣвать за модой, но Петинька умудряется и поспѣваетъ; какимъ образомъ—мы отчасти показали при описаніи его костюма. Другая его забота и предметъ частаго конфуза это французскій языкъ; Петинька въ немъ очень плохъ, а какой-же послѣ этого онъ свѣтскій человѣкъ безъ французскаго языка? Ничего рѣшительно не стыдится онъ такъ какъ этого своего незнанія. Нѣсколько необходимѣйшихъ фразъ онъ усвоилъ и произноситъ ихъ хорошо и кстати, но чувствуетъ, что этого недостаточно. Начать-же учиться ему рѣшительно некогда. «Этотъ *світъ*», говоритъ онъ, «поглощаетъ все мое время.» Но страстное желаніе овладѣть французскимъ языкомъ въ немъ такъ сильно, что ему даже по ночамъ часто снится, какъ напр. входитъ это онъ въ какую нибудь гостинную; хозяйка обращается къ нему съ любезною улыбкою и французскою фразою и Петинька отвѣчаетъ ей длиннымъ монологомъ или рассказомъ на прелестномъ французскомъ языкѣ. Итакъ это онъ во снѣ говоритъ и хорошо и много и бойко, безъ запинки. Проснется-ну хоть бы что нибудь могъ повторить. Какъ справится онъ съ этой задачей—не знаю. Полагаю, однакожь, что такъ: будетъ онъ, каждый годъ подучивать по нѣскольку обиходнѣйшихъ фразъ съ чужаго голоса и къ концу своей многотрудной жизни убѣдится самъ и покажется другимъ, что онъ очень мило говоритъ по французски. Дальнѣйшее земное странствіе Петиньки пойдетъ такой дорожкой: или братъ и мать, черезъ какого нибудь стараго друга его покойнаго отца, опредѣлятъ Петиньку въ одну изъ многочисленныхъ петербургскихъ канцелярій, куда онъ будетъ появляться черезъ день на одинъ часъ, сначала безъ жалованья, потомъ и съ жалованьемъ. Начнетъ Петенька служить, расти въ собственныхъ глазахъ и во мнѣніи общества и наслужитъ столько, сколько проживетъ.

Я не люблю Петиньку и прежде всего за навязчивость и надоедливость. Вотъ не дальше какъ сейчасъ сыгралъ онъ со мной скверную штуку: заговорилъ я объ немъ и думалъ отдѣлаться отъ него нѣсколькими словами, а онъ между тѣмъ такъ присталъ къ моей мысли, что я вотъ сколько наболталъ объ немъ; поправлю-же эту ошибку краткостью при бесѣдѣ о другихъ изображенныхъ художникомъ личностяхъ.

О № 1 и безъ того многого сказать не пришлось бы. О такихъ личностяхъ вообще говорятъ очень мало, хотя видятъ ихъ часто,—это потому, что и сказать объ нихъ нечего. «Кто его знаетъ, что онъ за человѣкъ», отзываются обыкновенно на спросъ объ немъ; «кажется ничего себѣ». Онъ довольно хорошъ собою», прибавляютъ и съ этимъ соглашаются. Это единственная черта, которую въ немъ замѣчаютъ. Случается, что такихъ господъ видятъ часто, дружески съ ними здороваются и не знаютъ ни кто это, ни чѣмъ онъ занимается, ни даже какъ его зовутъ. «Фамилія его какая-то странная, никакъ запомнить не могу; я его кажется встрѣчалъ у такого-то или нѣтъ... нѣтъ у такой-то, а впрочемъ не помню». Вотъ, что услышишь обыкновенно на вопросъ объ немъ у человѣка, только что прелюбезно съ нимъ раскланивавшегося. Даже о происхожденіи или національности его существуетъ нѣсколько мнѣній: одни говорятъ, что онъ французъ, другіе, что армянинъ или грекъ, третьи утверждаютъ, что онъ просто изъ «нашихъ». Что онъ дѣлаетъ и чѣмъ живетъ также никто толкомъ сказать не можетъ. «Онъ служитъ въ этой... ну какъ ее... такое длинное, длинное названіе... ну знаете»... говоритъ одна барыня.—Ахъ нѣтъ, замѣчаетъ другая,—онъ вовсе не служитъ и никогда не служилъ; у него свои дѣла и все больше заграничныя. «Откуда-же у него ленточка въ петлицѣ?» возражаетъ первая.—Да это такъ себѣ, это не русская,—поясняетъ вторая. Такъ вы ничего и не узнаете.

Самъ онъ о себѣ никогда ничего не говоритъ и вообще держитъ себя очень тихо и скромно. Бываетъ въ разныхъ домахъ отъ очень хорошихъ до очень простыхъ. Держится больше при дамахъ, съ ними-же и въ карты играетъ. Никогда ни о чемъ не споритъ и ничего не говоритъ громко. Въ кабинетъ къ хозяину или въ мужское общество заходитъ только покурить. Между дамами предпочитаетъ пожилыхъ, нонеточто ужъ очень, а такъ пожилыхъ и притомъ богатыхъ. Живетъ не роскошно и не бѣдно, но прилично. Прислугу держитъ всегда женскую, среднихъ лѣтъ и средняго достоинства наружности. Костюмъ его свѣжій, но ни чѣмъ особеннымъ въ глаза не брасающійся. Въ театрахъ бываетъ только на балетныхъ спектакляхъ. Никогда ничего не читаетъ, ни на какомъ языкѣ. Избѣгаетъ всякихъ шумныхъ обществъ и удовольствій.

№ 8 представляетъ собою цвѣтъ, поэзію шика или ганденства. Господинъ этотъ довольно богатый, изъ помѣщичьихъ сынковъ, фамилія громкой. Не служитъ, считая службу, трудъ и «все тамъ такое о чемъ теперь толкуютъ» за глупости и ниже себя. Двѣ трети состоянія уже онъ съѣлъ. Съѣстъ и послѣднюю треть. Тогда станетъ шулеромъ. У женщинъ какъ свѣтскихъ, такъ и полусвѣтскихъ имѣетъ успѣхъ громадный. При этомъ третируетъ ихъ какъ собакъ—или вѣрнѣе какъ лошадей, разбирая ихъ съ точки зрѣнія внѣшнихъ качествъ или *статей*. «Еслибъ ты зналъ, *mon cher*», говоритъ онъ о замужней женщинѣ, «какъ она еще сохранилась, какое у ней тѣло»... или: «я никакъ не ожидалъ что бы этотъ *Миньончикъ* (онъ почему-то любитъ называть женщинъ въ мужскомъ родѣ) былъ такая прелесть... Въ первый разъ, когда... и наклонясь онъ что-то шепчетъ на ухо. Съ тихими людьми онъ нахаленъ, съ смѣлыми пасуетъ. Однажды кто-то назвалъ его осломъ или негодяемъ. Не измѣнившись ни въ одной чертѣ своего обычнаго выраженія, съ какимъ изобразилъ его художникъ, онъ обратился къ выругавшему его господину съ такимъ вопросомъ: «А позволите спросить васъ, милостивый государь, вы это какъ изволили сказать, въ шутку или серьезно?» Совершенно серьезно, отвѣчалъ тотъ. «Тото-же... прошу васъ помнить, что я такихъ шутокъ не люблю». Именно съ нимъ случился этотъ, нынѣ всѣмъ извѣстный, анекдотъ.

А № 6 узнали вы читатель? Знакомъ ли вамъ сей мрачный юноша, бѣдно и грязно одѣтый, съ намѣренно грубой и отрывистой рѣчью, которая такъ и наводитъ *оборвать* васъ на первомъ словѣ. Все человѣчество дѣлитъ онъ на подлецовъ и идиотовъ; исторія для него есть рядъ глупостей; всѣ убѣжденія и вѣрованія человѣка—предразсудки невѣжества; браки и семья—безобразнѣйшая выдумка; искусство—забава тунеядцевъ и т. д. Не бросайте въ него камень—это достойный плодъ прошедшаго, это наше, (какъ общества) собственное произведеніе. Инымъ каковъ онъ,—онъ и быть не могъ. Происходитъ онъ отъ бѣдныхъ и неблагородныхъ родителей. Много грязи нахлебался онъ въ дѣтствѣ и теперь плюетъ ею на то общество, которое вырастило его на этой грязи. Изъ него выйдетъ одинъ изъ сотрудниковъ нашихъ псевдо-сатирическихъ или прогрессивныхъ изданій. Потомъ онъ женится, изъ принципа, на женщинѣ легкаго поведенія и толкуя объ эмансипации женщинъ и занимаясь развитіемъ своей жены, подъ пьяную руку, будетъ бить ее. Съ дѣтства испорчена у него печень и отбитъ мозгъ и къ тому возрасту, на какомъ засталъ его художникъ у него вся душа уже перегнила.

Уставши перебирать предлагаемые типы въ одиночку, начнемъ ихъ пропускать по-парно. Вотъ два возника (№ 4 и № 10). Занятіе ихъ повидимому одно и то же, а между тѣмъ какая разница въ ихъ наружности и въ томъ, что она собой выражаетъ. Сколько добродушнаго и представительнаго спокойствія въ кучерѣ какоетревожноеерничество изображаетъ фізіономія извозчика. Такой кучеръ долженъ непременно быть кучеромъ у старой, старенькой барыни, которая выѣзжаетъ только

нѣсколько разъ въ мѣсяцъ и которую надо везти тихо—тихо, чтобы она не разсыпалась на какомъ нибудь ухабѣ. Въ этомъ вся его кучерская обязанность; свое досужное время онъ употребляетъ на то дѣло, отъ котораго распухаетъ носъ и становится сизо-краснымъ. Это чуть ли не самый счастливый человѣкъ изъ всѣхъ изображенныхъ художникомъ лицъ.

№№ 2 и 11 два заштатныхъ: первый военный, второй—гражданскій. Они за штатомъ не у одной службы, но и современной дѣйствительности, которая давно ихъ обошла; какъ же за то они ее и не навидятъ! Каждый изъ нихъ протестуетъ противъ нее по своему, одинъ плачется на нее, другой ругаетъ. Это—*Jean, qui pleure et Jean, qui crie*. Который кричитъ, а который вздыхаетъ,—увидите сами.

№№ 7 и 9 два обывателя, *гражданина*, два члена петербургскаго *tiers état*: первый подростокъ, второй—дряхлѣющій; первый—нѣмецъ, второй—коренной русскій. Нѣмецъ воспитывается въ *Peter-schule* и изображенъ, когда онъ отправляется на катокъ. Русскій торговецъ нигдѣ не воспитывался, если не считать за воспитаніе, ту школу которую онъ прошелъ *паренькомъ* въ мелочной петербургской лавчонкѣ, выучившись подъ градомъ пинковъ, тычковъ и заушений, считать на счетахъ и обсчитывать покупателей. Глядя на его сладковато-улыбающееся лицо, я полагаю, что онъ должно быть зашелъ вчера въ «Александринку» и попалъ на «Прекрасную Елену», а теперь вспоминаетъ объ ней. «И чего только баре не выдумаютъ» размышляетъ онъ при этомъ.

№ 12 одинъ изъ представителей «консервативно-охранительныхъ началъ», такъ онъ постоянно стоитъ за крупными собственниками; прикосновенъ къ аристократической журналистикѣ, ибо по знакомству съ ея писателями передаетъ имъ матеріалы для салонныхъ хроникъ: когда у кого былъ балъ или вечеръ и кто какъ былъ одѣтъ. Не одобряетъ освобожденія крестьянъ, съ той преимущественно точки зрѣнія, что «если баринъ, теперь, да не можетъ мужика бить, такъ какой же изъ него прокъ будетъ и что же это за порядокъ.»

Осталась еще одна личность, о которой я не сказалъ ни слова, это № 5. Отъ нея видныются только одни усы да носъ—но говорить хотя бы только объ этихъ усахъ и носѣ я считаю «неблаговременнымъ». Они принадлежатъ военному міру, а вносить въ него какую нибудь гласность не слѣдуетъ.

Л. Н. А.—въ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ. (*)

А. Е. Баратынскій (Первая замѣтка). Сочиненіе Е. А. Баратынскаго. Москва 1869 г.

Баратынскій безъ сомнѣнія самый замѣчательный изъ поэтовъ-спутниковъ Пушкина. Пушкинъ называлъ его Гамлетомъ, выражая этимъ, что раздумчивость составляетъ одно изъ главнѣйшихъ свойствъ таланта Баратынскаго. Въ эпоху господства теоріи полной художественности, Баратынскому ставили въ упрекъ, что у него мысль всегда на первомъ планѣ. Конечно, у поэтовъ первой величины всѣ душевные органы являются въ полной гармоніи; въ Шекспирѣ мы равно удивляемся и глубинѣ мысли, и силѣ чувства и порывчивости фантазіи, и болѣе всего стройному соединенію всего этого въ одномъ человѣкѣ. Но нельзя цѣнить все, по мѣркѣ годной только для Шекспира и другихъ мировыхъ поэтовъ. Много истинно-великихъ поэтовъ нельзя будетъ назвать поэтами, если столь строго-теоретически смотрѣть на вещи. Все въ природѣ творится по типамъ, все варьируется до безконечности. Даже особи одного и того же вида во

(*) Всѣ разбираемыя книги продаются въ магазинѣ Черкесова, на Невскомъ, противъ Александринскаго театра.

многoмъ разнятся другъ отъ друга. Возьмите лошадь и посмотрите сколько породъ представляетъ этотъ видъ, и какъ различны особи одной и той же породы! Такое сравненіе можетъ показаться многимъ тривиальнымъ; тѣ, кто найдеть это, будутъ даже по своему праву, но слѣдуетъ помнить, что понятіе «тривиальность» выработалось въ гостинныхъ и къ явленіямъ великой природы не приложимо. Дѣло не въ условности приличій, а въ общемъ законѣ природы, приложимомъ къ вещамъ по видимому ничею общаго въ себѣ не заключающаго.

Идеаль поета—гармонія всѣхъ душевныхъ способностей, чѣмъ и обусловливается возможность полнаго творчества. Но откажемъ ли мы въ названіи поэта человѣку мыслящему, у котораго мысль достигаетъ такого сильнаго напряженія, что выражается могучимъ, стройнымъ словомъ и когда въ этомъ словѣ слышно взволнованное мысленное сердце? Конечно, нѣтъ. Еслибъ мысль передавалась холодно, хотя-бы и стихами, еслибъ она не наполнила всего человѣка, а являлась бы, какъ нѣчто придуманное, — тогда иное дѣло, мы не назвали бы такого стихотворца поэтомъ. Но Баратынскій не принадлежитъ къ послѣднему роду стихотворцевъ; онъ не только думалъ, онъ переживалъ мысли, онъ не придумывалъ, онъ не какъ безучастный наблюдатель относился къ жизни, — онъ скорбѣлъ ея скорбями и радовался ея радостями. Скорбѣть ему приходилось чаще, чѣмъ радоваться; онъ порождался дисгармоніею жизни, но въ его душѣ было стремленіе внести въ самую жизнь душевную гармонію, въ большей, или меньшей степени присущую каждому поэту; онъ носилъ въ душѣ идеаль «прекрасныхъ соразмѣрностей» (стр. 117).

Страстей порывы утихаютъ,
Страстей мятежныя мечты
Передо мной не затмѣваютъ
Законовъ вѣчной красоты;
И поэтическаго міра
Огромный очеркъ я узрѣлъ,
И жизни даровать, о міра!
Твое согласье заготовилъ.

Мы сказали, что Баратынскій чаще скорбѣлъ, чѣмъ радовался; дѣйствительно, всѣ его лучшія, душевные стихотворенія носятъ отпечатокъ грусти. Эту грусть нельзя назвать чисто-байронической, хотя нельзя въ тоже время не сознаться, что байронизмъ имѣлъ значительную долю влияния на нашего поэта. Вліяніе это, однако, не выразилось подражательностью, или безпредметнымъ отрицаніемъ, оно подѣйствовало гораздо глубже; семена байронизма нашъ поэтъ носилъ самобытно въ своей душѣ; оттого, на немъ нѣтъ слѣда подражательности и онъ былъ вправѣ сказать, о своей музѣ, что свѣтъ «бываетъ мелкою пораженъ»

Ея лица необимъ выраженъ,
Ея рѣчей спокойной простоты,

точно также, какъ въ правѣ былъ сказать поэтѣмъ — подражателямъ:

А ваша Муза площадная,
Тоской заемною мечтала
Родить участие въ сердцахъ,
Подобна нищей развращенной,
Молящей ленту незаконной,
Съ чужимъ младенцемъ на рукахъ.

Недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ войти въ подробную оцѣнку главныхъ стихотвореній Баратынскаго, безъ чего не возможно вполне отчетливое опредѣленіе его дѣятельности; по необходимости, мы ограничиваемся нѣсколькими краткими указаніями. Скептицизмъ, но опять не умственный только, а жизненный составляетъ одну изъ характерныхъ чертъ таланта Баратынскаго. Укажемъ въ этомъ отношеніи на его стихотворенія «Финляндія», «Римъ», «Послѣдняя Смерть» (удивительное стихотвореніе, особенно первыя строфы), «Отрывокъ», нѣкоторыя строфы «На смерть Гете», «Когда исчезнетъ омраченъ?» и т. д., но вездѣ скептицизмъ умѣряется чувствомъ жизни, стремленіемъ, болѣе: порывомъ къ гармоніи въ жизни. Самая поэзія не избѣгла скептического отношенія; стоитъ вспомнить напр. «Послѣдняго поэта».

Вѣкъ шествуетъ путемъ своимъ желѣзнымъ;
Въ сердцахъ корысть, и общая мечта
Часть отъ часу насущнымъ и полезнымъ
Отметанный, безстыдный занята
Исчезнули при свѣтѣ просвѣщенія
Поэзіи ребяческіе сны,
И не о ней хлопотуть поколѣнья,
Промышленнымъ заботамъ преданы, и т. д.

Это начало, звучащее какой-то затаенной, горькой ироніей, переходитъ почти въ вопль въ концѣ, и особенно въ другомъ стихотвореніи «Все мысль,

да мысль! художникъ бѣдный слова!» За этотъ скептицизмъ обвиняли художника, вступали даже съ нимъ въ полемику, доказывая что успѣхи промышленности не мѣшаютъ успѣхамъ художества и т. д. Но послѣдующее во многомъ оправдало поэта: стоитъ вспомнить недавнее гоненіе на искусство, поднятое во имя насущнаго и полезнаго; гоненіе, которое велось съ болѣею энергіей, чѣмъ представляли злители искусства. Конечно, искусство, какъ выраженіе непремѣнныхъ потребностей человѣческаго духа, какъ стремленіе человѣка къ образному, цѣльному самоизображенію (въ противоположность почастному, научному самопознанію) никогда не исчезнетъ, — но бываютъ минуты, когда художникъ въ полномъ правѣ выразить сомнѣніе, обуревающее его при видѣ господства болѣе низкихъ интересовъ.

Таковы лирическія настроенія Баратынскаго. Но наша характеристика была бы не полна, если бы мы не обратили вниманія на *милую* сторону его таланта: на его добродушно-шутливый юморъ, являющійся въ «Пирахъ», на мѣткость его эпиграмъ, блестящихъ всегда мыслью (чего нельзя сказать о новѣйшихъ эпиграмахъ), на свѣтлую, спокойную поэзію, отличающую нѣкоторыя, весьма немногія впрочемъ, его произведенія, и выражающуюся, то порывами беззаботной веселости, какъ напр. въ «Бѣсенкѣ», то душевною ясностію, какъ въ «Родинѣ».

Стихъ Баратынскаго очень своеобразенъ; у него попадаются весьма оригинальныя, чисто-русскіе обороты рѣчи: къ сожалѣнію, неотдѣланность стиха часто вредитъ его лучшимъ стихотвореніямъ; вдругъ среди гармонической рѣчи натѣкаешь на неловкій, тяжелый оборотъ, и встряхиваетъ тебя точно на ухабѣ.

Изъ поэмъ Баратынскаго болѣе всѣхъ извѣстна «Эда», но она не принадлежитъ къ лучшимъ его произведеніямъ. Поэма страдаетъ растянutosťou, сюжетъ ея столько разъ, и потомъ, и раньше, повторялся въ различныхъ повѣстяхъ, драмахъ, комедіяхъ и поэмахъ, — что не можетъ заинтересовать современнаго читателя; въ поэмѣ же слишкомъ мало самобытности, которая выручала бы избитость сюжета. Двѣ другія поэмы «Балъ» и «Цыганка» гораздо замѣчательнѣе, и по художественности изображенія, и по жизненной правдѣ. Въ «Цыганкѣ» послѣдній разговоръ Сары съ Елецкимъ дышетъ истиннымъ, правдивымъ драматизмомъ. Положеніе покинутой Елецкимъ цыганки очерчено превосходно; злобая иронія, задержанныя слезы слышатся въ ея рѣчахъ; простая грубость рѣчи, ея бѣшеная радость, когда она думаетъ, что «приворотное зелье» подѣйствовало, — переданы удивительно. И при всемъ этомъ чувствуется, что говоритъ цыганка! А между тѣмъ поэтъ не заставляетъ ея говорить жаргономъ, а только слегка двумя-тремя штрихами отдѣляетъ ея цыганскій говоръ! Такова истинная художественность: она рисуетъ прежде всего человѣческое сердце, а вышность лица, его положеніе въ свѣтѣ, говоръ, только отдѣляетъ. «Только того писателя будутъ помнить, кто постигъ сердце человѣческое», говоритъ Карлль, и въ этихъ словахъ заключается наилучшее опредѣленіе поэта. Въ наше время, многіе, даже несомнѣнно талантливые, писатели заботятся о фотографической вѣрности вышности облика человѣка, забывая, что *суть* человѣка (которую только и стоитъ изображать) состоитъ въ его внутренней жизни, въ его душѣ.

«Балъ», по нашему, еще выше, чѣмъ «Цыганка». Въ лицѣ Нины авторъ рисуетъ женщину, не находящую себѣ иного исхода въ жизни, кромѣ вахтискаго служенія своимъ страстямъ; это одна изъ тѣхъ женщинъ, которыя, по выраженію Пушкина, «мчатся до утраты силъ»

Какъ беззаконная комета
Въ кругу разчисленномъ свѣтилъ.

Страстные натуры, онѣ не знаютъ на что употребить данный имъ избытокъ силъ; онѣ мечутся, ища выхода, и не находятъ разумнаго исхода, потому что жизнь не выработала еще его; онѣ, какъ говорится, «прожигаютъ жизнь»; погибаютъ, перегорѣвъ въ бурѣ страстей. Такая женщина мастерски обрисована Баратынскимъ въ лицѣ княгини Нины; изображеніе ея страданій при потери любовника, страданій не сердечныхъ, а огорченнаго самолюбія, — удивительно. Описаніе ночи, когда княгиня отравилась, и входитъ въ ея спальню старушка-няня, рѣчи этой няни — одна изъ правдивѣйшихъ страницъ русской поэзіи.

Этимъ мы можемъ закончить характеристику поэзіи Баратынскаго, но остается еще сказать о

Баратынскомъ, какъ о цѣнителѣ искусства, объ его взглядѣ на критику. Мысли нашего поэта въ этомъ отношеніи весьма дѣльны и разбору ихъ мы посвятимъ вторую замѣтку о Баратынскомъ.

Стихотворенія О. Тютчева. Москва 1868.

Г. Тютчевъ принадлежитъ къ числу оригинальнѣйшихъ русскихъ поэтовъ, и въ тоже время къ числу самыхъ малоизвѣстныхъ. Въ послѣднемъ, онъ самъ виноватъ: г. Тютчевъ началъ писать въ 1826 году, а первое изданіе его стихотвореній вышло въ 1854 году, сперва въ «Современникѣ», потомъ отдѣльной книжкой, да и то по настоянію И. С. Тургенева, а не по желанію самаго поэта. Въ концѣ прошлаго года, стихотворенія Тютчева вышли вторымъ изданіемъ. Это изданіе полнѣе перваго и къ нему присоединены стихотворенія, написанныя послѣ 1854 года.

Тютчевъ, по преимуществу, поэтъ природы; пантеистическій (не въ смыслѣ философскомъ, но въ смыслѣ поэтическаго воззрѣнія) взглядъ на природу обнаружился въ немъ съ самаго вступленія его на поэтическое поприще:

Не то, что мните вы, природа —
Не слѣпокъ, не бездушный ликъ:
Въ ней есть душа, въ ней есть свобода,
Въ ней есть любовь, въ ней есть языкъ.

Эти четыре стиха лучше всякихъ толкованій, объясняютъ *суть* поэтическаго склада Тютчева. Настоящая, тревожная жизнь, врывающаяся въ какой нибудь замершій уголокъ, составляетъ также одинъ изъ мотивовъ его стихотвореній (наприм. «Итальянская вила»). Но поэтъ природы не прятался вовсе отъ бурливаго настоящаго; нѣтъ, онъ чувствовалъ его, онъ страдалъ съ нимъ вмѣстѣ, и выносилъ на себѣ всю тяжесть борьбы между вѣрой и скептицизмомъ, всю тоску, происходящую отъ разрыва между дорогимъ прошлымъ и неизбѣжнымъ настоящимъ. Стихотвореніе «Нашъ вѣкъ» (CXI), все проникнутое этой мыслью, одно изъ замѣчательнѣйшихъ въ русской литературѣ. Въ послѣдніе годы, Тютчевъ является почтеннымъ мыслящимъ старцемъ, умѣющимъ сказать свое, всегда умное, слово, кстати и во время. Его стихотворенія на разные случаи — вещи вовсе не случайныя, не обиденки, умирающія въ день рожденія, а вещи продуманныя и прочувствованныя. Замѣтимъ, что вообще въ послѣднихъ стихотвореніяхъ меньше порыва, энергіи, но за то болѣе глубокаго раздумья, чувства, не охлажденнаго, но умудреннаго жизнью. Доказательствомъ этому служить превосходное стихотвореніе «Est in avundineis modulatio musica ripis.»

Стихъ Тютчева блестящій, но не всегда отдѣланный; видно, что стихотвореніе вылилось у поэта, но объ отдѣлкѣ его онъ никогда не заботился. Это имѣетъ свои выгоды и невыгоды: въ стихѣ чувствуется задушевность, но она часто умалается слѣдующими, неотдѣланными и нѣсколько тяжеловатыми, стихами. Но берите поэта каковъ онъ есть: можетъ быть, большая отдѣлка стиха затемнила-бы задушевность, которая такъ дорога въ нашемъ маститомъ поэтѣ.

Стихотворенія А. С. Хомякова. Москва 1868. Изданіе второе.

Хомяковъ — поэтъ славянофильства; таково общепринятое о немъ мнѣніе. Справедливо-ли оно? Есть ли Хомяковъ простой излагатель славянофильской теоріи въ стихахъ, или настоящий поэтъ? Теорія-ли у него на первомъ планѣ, или теорія у него въ стихахъ никакой нѣтъ? Хомяковъ, какъ ученый даже, не можетъ быть причисленъ къ теоретикамъ; онъ былъ самый живой изъ представителей славянофильской школы. Возвести что либо въ непреложную теорію, односторонне смотрѣть на факты — все это было для него не мыслимо. Этимъ объясняются напр. его замѣчанія на статьи Кирѣевскаго о различіи западнаго и русскаго просвѣщенія. Такъ называемыя славянофильскія идеи глубоко затрогивали его; онъ представлялъ собою типъ человѣка, живущаго широкой умственной жизнью, для котораго жить — значитъ мыслить; мыслить же значило для него не просто пускаться въ отвлеченныя тонкости, но любить истину, дорожить ею, отдаваться ей безповоротно. Когда выйдетъ полное собраніе сочиненій Хомякова, то читающій русскій людъ удивится отзывчивости этого человѣка на всѣ важныя явленія нашей общественной жизни, его глубокому изученію умственной исторіи Россіи, его страстно-

му желанію обняти по возможности все, осмыслить явления, поверхностному наблюдателю кажущаяся случайными и потому комическими. Можно спорить съ Хомяковымъ, можно во многомъ не соглашаться съ нимъ, но нельзя не признавать въ немъ одного изъ свѣтлѣйшихъ явлений нашей умственной жизни. Дѣтскими кажутся мнѣнія тѣхъ критиковъ, которые, смотря на все съ условной точки зрѣнія своей узенькой теории, отказывали Хомякову даже въ пониманіи необходимости свободы мысли: вся жизнь этого человѣка служила протестомъ противъ такой клеветы; въ его сочиненіяхъ найдется не одна краснорѣчивая страница въ защиту самой полной, самой абсолютной, свободы мысли; болѣе, онъ считалъ, что безъ этой свободы не возможна умственная жизнь въ истинномъ значеніи этого слова.

Понятно, что человѣкъ «всѣмъ сердцемъ и всѣмъ помышленіемъ» отдающийся умственной жизни, могъ чувствовать въ извѣстные минуты потребность выразить волнующія его думы звучнымъ словомъ, стройно-размѣреннымъ языкомъ. Этимъ объясняется происхождение его стихотвореній. Идеи братства, любви и прощенья—вотъ главные мотивы поэзіи Хомякова.

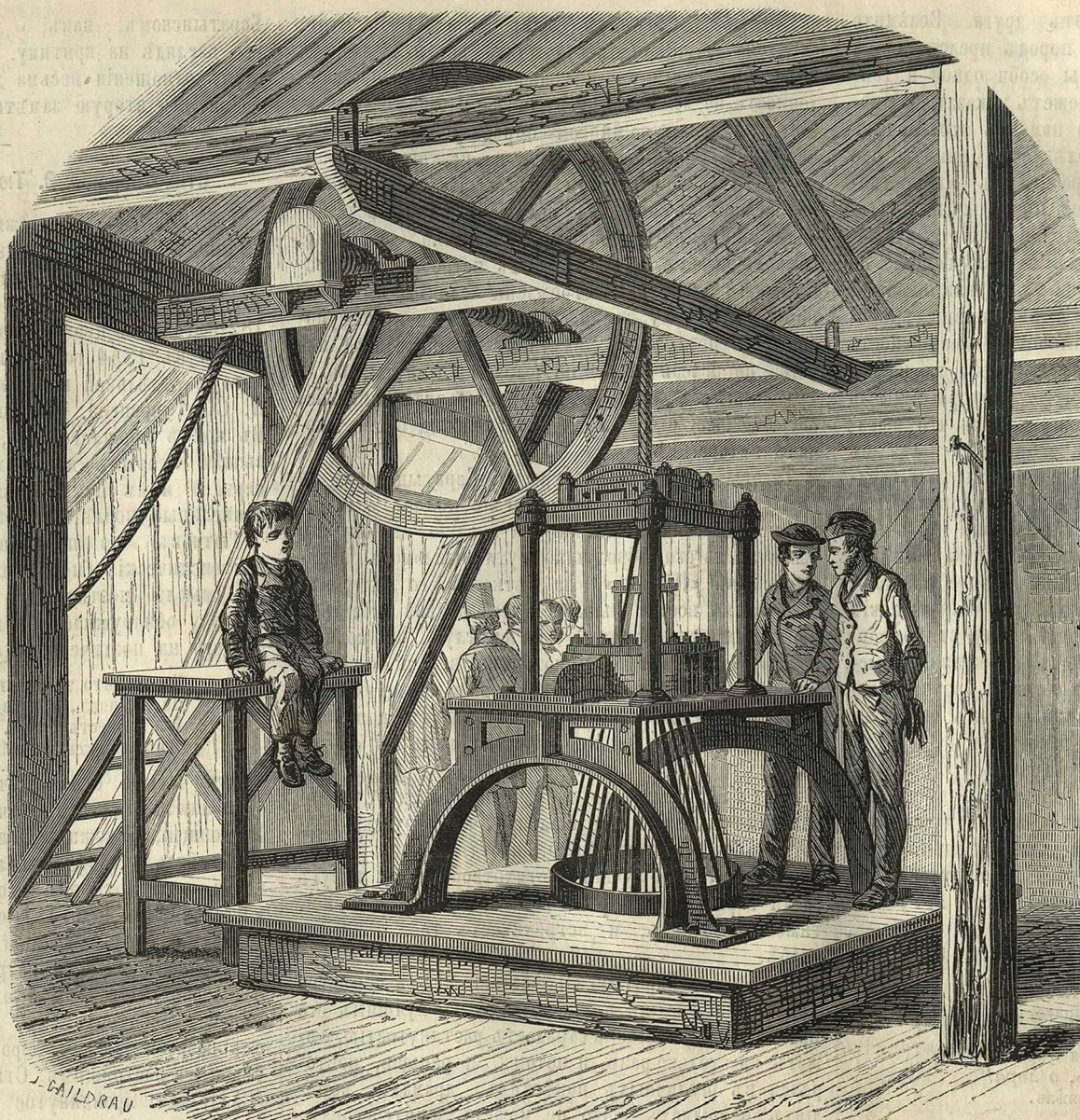
Идея важности подвига, высшей изъ которыхъ, по мнѣнію поэта, заключается въ «терпѣнн, любви и мольбѣ» проходитъ также черезъ многія его сти-

хотворенія. Чтобы охарактеризовать поэзію Хомякова, мы назвали бы его истинно-русскимъ духовнымъ поэтомъ, если бы послѣдній эпитетъ не принимался у насъ, обычно, въ тѣсномъ смыслѣ слова. Второе, дешовое изданіе стихотвореній покойнаго поэта, безъ сомнѣнія, во многомъ будетъ способствовать его извѣстности.

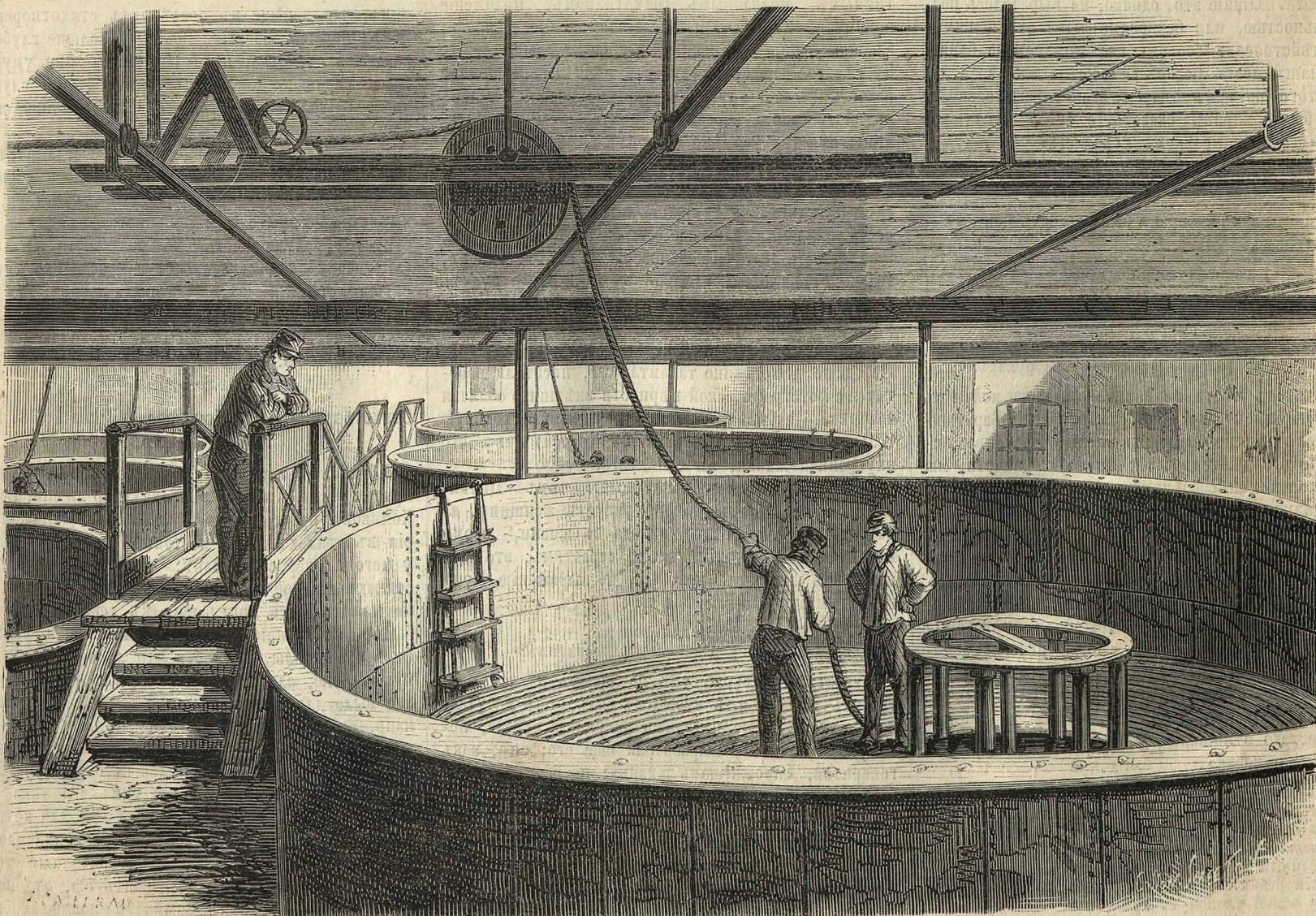
Сказанія Князя Курбскаго. Изданіе третье. Н. Устрялова. Спб. 1868.

Сказанія князя Курбскаго, которые никакъ нельзя причислить къ книгамъ для легкаго чтенія, вышли въ концѣ прошлаго года третьимъ изданіемъ. Первое изданіе было сдѣлано въ 1833 году, второе въ 1842. Такому явленію нельзя не порадоваться; оно показываетъ, что русское общество вовсе не такъ сплошь необразовано, какъ то утверждаютъ многіе.

Князь Курбскій принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ личностей нашего прошлаго, но мы не скажемъ, что бы онъ былъ однимъ изъ лучшихъ людей своего вѣка. Личность его, спора

Накручиваніе верхней оболочки на подводный телеграфный канатъ.

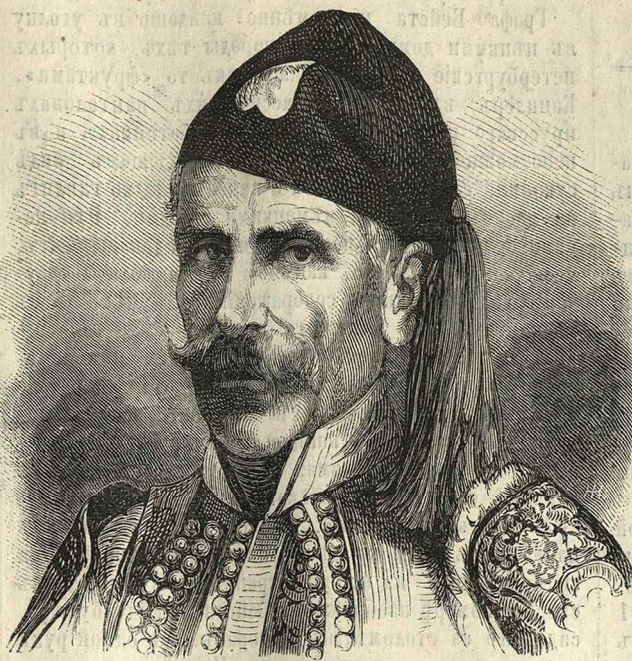

Укладываніе подводнаго телеграфнаго каната въ чашу на пароходъ „Great Eastern“.

ственныхъ требованій. Курбскому хотѣлось быть самостоятельнымъ княземъ, полномочно пановать въ своихъ владѣніяхъ, что въ Московскомъ государствѣ становилось невозможнымъ, а въ Литовско-польскомъ государствѣ существовало во всемъ своемъ безобразіи. Князь Курбскій не по великой нуждѣ бѣжалъ въ Литву; онъ предварительно переговаривался съ королемъ и панами; онъ уѣхалъ изъ Москвы, обезопасивъ себя на счетъ животвъ. Это ужъ не бѣгство отъ грозы, а чистая измѣна. Изъ Литвы онъ спѣшилъ укорить царя за его жестокости. Царь отвѣчаетъ ему бурно; видно, что Ивана «эпистолия» задѣла за живое; на обвиненія противъ него, царь отвѣчаетъ обвиненіемъ бояръ, онъ выставляетъ на видъ ихъ крамолу, приводитъ факты, — что же Курбскій? Оправдываетъ-ли онъ бояръ въ своемъ отвѣтѣ? Опровергаетъ-ли царскія показанія? Ничуть не бывало. Онъ обвиняетъ царя за его не риторскій слогъ, за то, что онъ говоритъ «о постеляхъ, о тѣлгрѣхъ» и тому подобныхъ низкихъ вещахъ, и не умѣетъ приводить цитатъ, какъ слѣдуетъ. Все это, по мнѣнію князя-измѣнника, очень смѣшно, особенно въ письмѣ въ чужую землю, «идѣже нѣкоторые человѣцы обрѣтаются, не токмо въ грамматическихъ и риторскихъ, но и въ діалектическихъ и философскихъ ученіяхъ искусные.»

Но такъ-ли слѣдовало отвѣчать защитнику бояръ, такъ-ли слѣдовало вести себя въ живомъ спорѣ? До риторскихъ-ли тутъ тонкостей! Ясно, что князь Курбскій отлынивалъ отъ прямого отвѣта. Для насъ этотъ отвѣтъ князя Курбскаго служить сильнѣйшею противъ него уликой.

Вообще вопросъ, точно-ли Иванъ Грозный виновенъ во всѣхъ, на него взводимыхъ, жестокостяхъ — не достаточно разработанъ исторической критикой. Въ настоящее время вопросъ этотъ занимаетъ почтеннаго профессора здѣшняго университета К. Н. Бестужева-Рюмина. Сколько мы слышали, повѣрка источниковъ, трактующихъ о жестокости царя, привела г. Бестужева къ сомнѣнію въ вѣрности ихъ показаній. Оказывается, что писатели, утвердившіе за Грознымъ славу бича человѣческаго, не были притомными свидѣтелями его жестокостей, а писали по рассказамъ, часто преувеличеннымъ. Впрочемъ, вполне оправдать Грознаго никогда не удастся: разоренный Новгородъ всегда будетъ вопіять противъ него. Несомнѣнно, что Иванъ казнилъ Новгородъ за измѣну, но несомнѣнно также, что казнь была жестокая. Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ выхода книги г. Бестужева, и тогда еще разъ возвратимся къ вопросу насъ занимающему.

Полковникъ Дмитрій Петрулаки.

Трансатлантический подводный французскій телеграфъ.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ нынѣшняго 1869 года, знаменитый пароходъ «Great-Eastern», при громѣ пущекъ долженъ отплыть изъ Бреста и начать погруженіе подводнаго телеграфнаго каната, имѣющаго соединить Францію съ Америкой.

Извѣстно уже, что въ Англіи находится единственное заведеніе, занимающееся приготовленіями подводныхъ морскихъ телеграфовъ: «Telegraph construction and maintenance Compagny», которое изготовляло также и англо-американскій подводный телеграфный канатъ и почти всѣ остальные подводные морскіе телеграфы.

Эта богатая компанія имѣетъ нѣсколько заводовъ, изъ которыхъ одинъ находится въ лондонскомъ сити на Wharf Road и специально занимается приготовленіемъ гутта-перчи. Сердцевина каната, состоящая изъ семи мѣдныхъ проволокъ, окружается оболочкою изъ гутта-перчи въ четыре слоя; затѣмъ, въ такомъ первоначальномъ видѣ, канатъ перевозится на другой заводъ, въ Гринвичъ, гдѣ онъ

снабжается другою оболочкою, имѣющею цѣлью предохранять его отъ всякихъ вліяній и случайностей. Эта послѣдняя оболочка состоитъ изъ пеньки, сверхъ которой накручивается еще шесть стальныхъ гальванизированныхъ проволокъ, покрытыхъ въ свою очередь пенькою; такимъ образомъ канатъ получаетъ свой окончательный видъ. Оконченный канатъ свертывается плотными спиральными ходами внутри огромнаго чана; каждый такой чанъ заключаетъ въ себѣ канатъ длиною около 135 миль.

Нагруженіе каната на «Great-Eastern», стоящій на якорѣ въ «Medway» и совершенно готовый къ принятію каната, началось уже съ 26 декабря (7 января); канатъ, перевезенный изъ Гринвича, укладывается въ установленные на пароходы чаны, которыми ссудило на время французскую компанію британское правительство.

На «Great-Eastern» находится три такихъ чана, одинъ на передней, другой на задней части парохода, а третій по его срединѣ; этотъ послѣдній чанъ имѣетъ 75 англійскихъ футовъ въ діаметрѣ и 6 футовъ глубины.

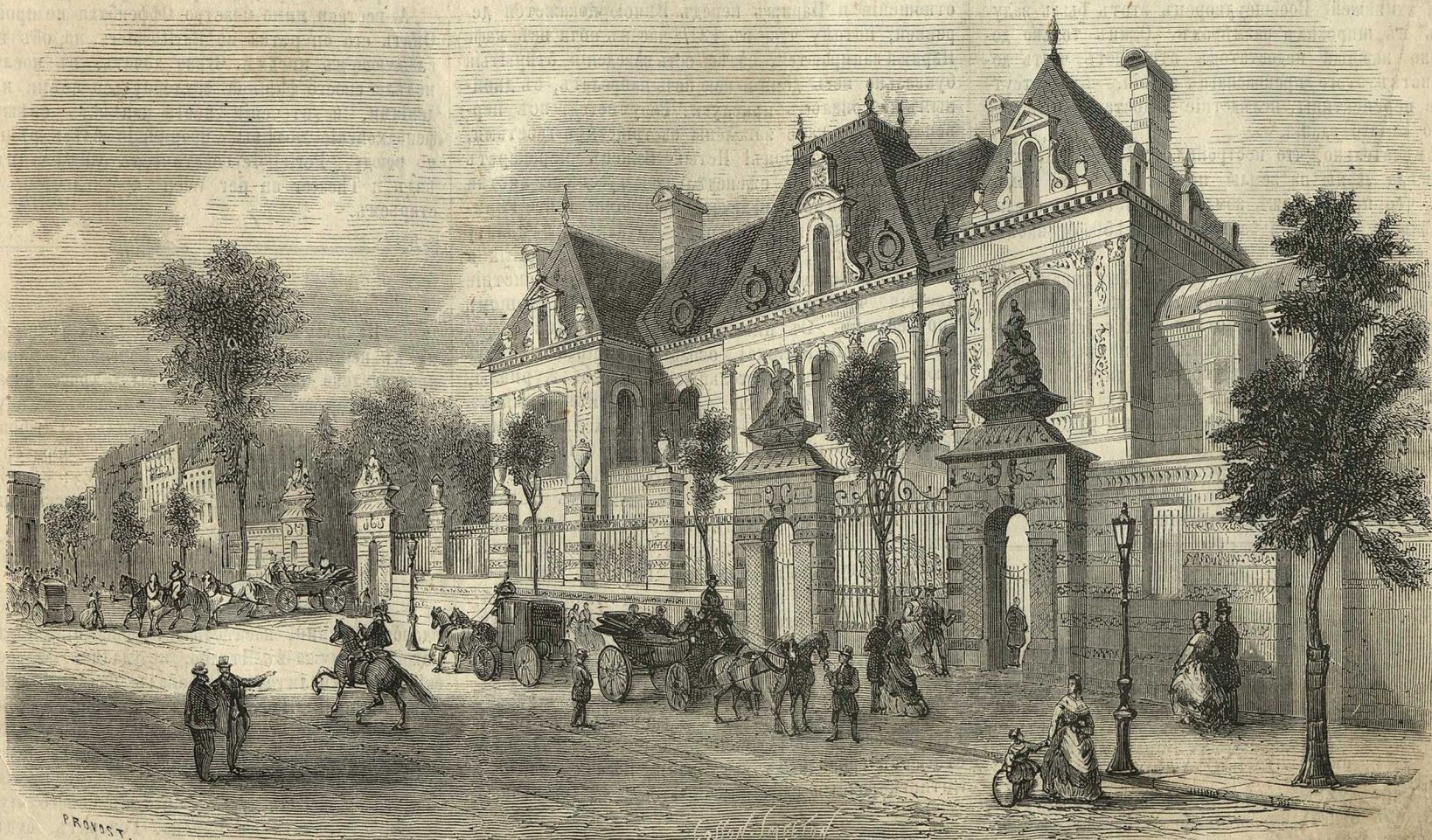
Кромѣ «Great-Eastern» подвозомъ и погруженіемъ каната будутъ заняты еще четыре большихъ парохода, которые также погружать и по боковую его вѣтвь отъ Сен-Пьера до Нью-Йорка.

Канатъ отъ Бреста до Сен-Пьера будетъ имѣть протяженіе въ 2.788 морскихъ миль; вѣтвь отъ Сен-Пьера до Нью-Йорка будетъ имѣть длину въ 776 миль. Весь канатъ будетъ вѣсить 8.548 тоннъ.

Въ концѣ декабря прошлаго года происходило общее собраніе акціонеровъ англо-французской компаніи, въ Лондонѣ; президентомъ собранія былъ избранъ М. Эдвардъ Гальсей, членъ лондонскаго комитета. Въ сказанной имъ рѣчи, Гальсей сообщилъ самыя обстоятельныя свѣдѣнія о положеніи общества и о фабрикаціи каната, а также высказалъ самую твердую увѣренность въ успѣшномъ исходѣ предпріятія.

На данномъ въ этотъ день вечернемъ банкетѣ, президентское кресло занималъ Ревердэй Джонсонъ, сѣверо-американскій посланникъ въ Лондонѣ; онъ сказалъ за столомъ рѣчь, въ которой высказалъ самое горячее желаніе успѣха предпріятію и совершенно опровергъ носившіеся въ то время слухъ о томъ, будто общество не имѣетъ права выгрузить канатъ на американской территоріи.

При прощаніи, всѣ, присутствовавшіе на банкетѣ лица, общали другъ другу пріѣхать въ іюлѣ мѣсяцѣ въ Брестъ, чтобы присутствовать при отплы-

Отель Базилевскаго въ Парижѣ.

ти «Great-Eastern», этого морского гиганта, на которого будет возложено выполнение громадного предприятия, которое соединит европейский материк со свободною Америкой.

Полковникъ Димитрій Петропулаки.

Съ мѣсяцъ тому назадъ, турецкія и другія газеты сообщали извѣстія о томъ, будто бы одинъ изъ самыхъ знаменитыхъ предводителей кандійскаго возстанія, Димитрій Петропулаки сдался турецкимъ войскамъ въ Сирѣ. вмѣстѣ съ предводимымъ имъ тысячнымъ отрядомъ. Извѣстіе это нисколько не оправдалось; напротивъ того, въ настоящее время существуетъ предположеніе, что Димитрій Петропулаки, съ горстью храбрецовъ скрылся въ горахъ, съ цѣлью сдѣлать внезапное нападеніе на менѣе защищенный турками мѣста. Такъ, по крайней мѣрѣ, стараются объяснить внезапное исчезновеніе храбраго предводителя.

Димитрій Петропулаки, полковникъ греческой службы, вѣроятно самый старейшій изъ всѣхъ кандійскихъ вождей; ему въ настоящее время 72 года. Въ войнѣ за независимость Греціи въ 1821 году онъ храбро сражался въ рядахъ греческихъ войскъ; съ самаго начала кандійскаго возстанія онъ вмѣстѣ съ сыномъ своимъ Леонидомъ, братомъ и внукомъ отправился отстаивать независимость Кандіи и биться въ рядахъ инсургентовъ противъ владычества и притѣсненій турецкаго правительства.

Отель Базилевскаго въ Парижѣ.

Отель Базилевскаго, пріобрѣтенный бывшею королевою Испаніи Изабеллою, расположенъ во вновь отстроенной части города, называемой Новымъ Парижемъ; дворецъ этотъ выстроенъ на аллеѣ Римскаго короля, почти на углу улицы Покэ. Въ фздомъ во дворъ отеля служатъ шесть воротъ; двое большихъ и четверо малыхъ; по бокамъ каждаго большаго воротъ возвышается по два каменныхъ столба, украшенныхъ аллегорическими фигурами, работы скульптора Блоша и изображающими четыре части свѣта: Европу, Азію, Африку и Америку.

Отель построенъ въ два этажа и состоитъ изъ трехъ частей; два боковые флигеля выдаются нѣсколько во дворъ. Средній флигель, съ портикомъ, поддерживаемымъ осьмью колоннами смѣшаннаго ордена, украшенъ гербомъ фамиліи Базилевскихъ.

Дворъ отеля, вымощенный асфальтовой мостовой, окруженъ толстыми и густыми деревьями, съ постоянно зеленою листвою; на дворѣ помѣщаются конюшни на восемь лошадей и сарай для двѣнадцати экипажей. Вообще дворецъ этотъ былъ задуманъ въ широкихъ размѣрахъ. Одинъ только довольно важный недостатокъ отнимаетъ часть достоинства этого прекраснаго зданія, — это отсутствіе перспективы, вследствие недостатка простора около самаго зданія.

Замѣчательно, что постройка отеля Базилевскаго повысила цѣны на землю по соседству съ нимъ, такъ что при продажѣ земли около самаго отеля, владѣльцы требовали за мѣсто въ 150 франковъ, 400 франковъ.

Передняя отеля отдѣлана вся бѣлымъ мраморомъ и украшена восьмью мраморными же колоннами съ ложками. Меблировка отличается строгою простотою и состоитъ изъ восемнадцати креселъ чернаго дерева съ золотыми украшениями. Говорятъ, что эти кресла пріобрѣтены изъ замка Гранха въ Мадридѣ. Воспоминаніе объ отечествѣ для королевъ испанской!

Конечно дворецъ этотъ уступаетъ въ великолѣпіи Эскуріалу, но тѣмъ не менѣе представляетъ еще убѣжище, достойное изгнанной королевы.

Изъ Вѣны.

(Корреспонденція «Всемирной Иллюстраціи».)

Маскарадный канцлеръ. — Туземный юморъ по части Бейста. — Карриатура листка: «Der Floh». — Южное и сѣверное нѣмецкое остроуміе. — Вѣнская кофейная жизнь. — Газеты туземныя и иностранныя. — «Голосъ». Безъ пива. — Новая драма Бургтеатра. — Содержаніе «Lady Gloster». — Хуже-ли пьеса г. Бира своихъ сверстницъ? — Опять Оффенбахъ.

Канцлеръ дуалистической имперіи, новоиспеченный *графъ* Бейстъ, очень любитъ маскарады. Въ такъ называемыхъ «Redutensäle» даются здѣсь, во время карнавала маскарады, напоминающіе своимъ

типомъ наши петербургскіе: такая же масса сыновъ Белоны съ шикарными усами, тоже щеголянье плохимъ французскимъ языкомъ, тоже скучная давка.

Графа Бейста непременно найдешь въ уголку съ цѣпкими домино, изъ породы тѣхъ, которыхъ петербургскіе остряки звали какъ то «фруктами». Канцлеръ, въ своихъ классическихъ панталонахъ прусскаго покроя, въ узкихъ ботинкахъ и въ невозможно бѣломъ галстухѣ, имѣющемъ видъ суконки, сладко улыбается и не менѣе сладко глядитъ на масокъ медовыми нѣмецкими глазами. Эти невинныя развлечения перваго министра доказываютъ, между прочимъ, что, какъ бы онъ ни былъ удрученъ головоломными соображеніями, а повратъ съ маскированными женскимъ поломъ — все-таки — дѣло неплохое. Маскарадные экскурсіи новопожарованнаго графа недостаточно питаютъ остроуміе вѣнскихъ юмористическихъ листковъ. Они занимаютъ присканіемъ канцлера все на томъ-же безбрежномъ полѣ дуализма, отъ котораго здѣсь, со всякимъ свѣжимъ человекомъ, дѣлаются корчи.

Журналъ «Der Floh», взявшій за образецъ типъ парижскихъ листковъ, съ каррикатурными портретами знаменитостей на первой страницѣ, въ послѣднемъ своемъ номерѣ изображаетъ Бейста въ видѣ буржуа, сидящаго за столомъ, въ ресторанѣ. Въ одной рукѣ у него ножъ, въ другой вилка. Передъ нимъ кельнеръ-бакенбардистъ. Разговоръ между ними слѣдующій.

Gast: «Bringen sie mir noch ein Gollasch».

Kellner: Aber jetzt schon zum drittenmale! Ich erlaube mir Exzellenz zu bemerken, dass wir Wiener Schnitzel und böhmische Buchtel auch haben *).

Вѣнскіе «вицы» уступаютъ далеко берлинскимъ, да и вообще въ прессѣ нѣтъ той драстической ѣдкости, какая присуща сѣверогерманскому юмору. Вѣнцы выработали весьма бойкую уличную жизнь; но ихъ бесѣда рѣдко бываетъ оживлена остроуміемъ и смѣхомъ берлинцевъ. Войдите въ любой вѣнскій кафе, въ послѣобѣденное время. У всѣхъ столовъ читаютъ газеты; но вы не замѣтите одушевленныхъ бесѣдъ, колоритныхъ фзіономій, интересныхъ толковъ, а между тѣмъ, ни въ одномъ нѣмецкомъ городѣ кафе не играютъ такой роли, какъ здѣсь. Въ Берлинѣ, у *Кранцлера*, unter den Linden, собирается вся почти уличная публика, привыкшая читать газеты; но *Кранцлеръ* — вовсе не кафе, во французскомъ типѣ, а тѣсная кандитерская, гдѣ прислуживаютъ нѣмочки, гдѣ ѣдятъ сласти, гдѣ нельзя даже курить, гдѣ ни билліарда, ни игры въ домино, ни тѣхъ сопостоматіоновъ, безъ которыхъ не мыслимо настоящее кафе. Въ Вѣнѣ чтеніе газетъ по кафе достигло совершенно парижскихъ размѣровъ; такіе же размѣры получило и сидѣніе въ нихъ съ ранняго утра, т. е. часовъ съ пяти, до поздней ночи, т. е. до 3-хъ и 4-хъ часовъ. Въ этомъ отношеніи и Парижъ передъ Вѣною покажется деревней, потому что въ 12½ часовъ ночи всѣ кафе Парижа запираются, а здѣсь есть заведенія, открытыя буквально весь день и всю ночь напролетъ, съ двойнымъ персоналомъ прислуги. Разумѣется, всѣ первенствующіе кафе завалены австрійскими газетами, имъ-же имя — легионъ! Истинный Вѣнецъ переберетъ всѣ ежедневныя и еженедѣльные туземныя листки и упитывается каждый вечеръ, до оскомины, все тѣмъ-же разходами на рейсхратъ, дуализмъ, палату господъ Бейста, Андрасси, Ausgleichungs-politik и разныя Ausschüsse, изготовляющіе благоденствіе Австріи. Французскія газеты также въ большомъ употребленіи. Въ иныхъ благоустроенныхъ кафе, напр. въ Café National, около Hofburgtheater получаютъ всѣ почти вліятельныя парижскія журналы, и, разумѣется, «Lanterne» Рошфора. Изъ русскихъ газетъ одинъ «Голосъ» вошелъ въ обиходъ вѣнскихъ кафе: вы его найдете и въ томъ-же Café national, и въ нѣсколькихъ кафе формативъ. Ни «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», ни «Московскихъ Вѣдомостей» я нигдѣ не видалъ. Замѣчательна еще черта вѣнскихъ кафе: вы не можете въ нихъ получить пива; между тѣмъ какъ въ Парижѣ «un bock» сдѣлался теперь неотъемлемою и главною принадлежностью всякаго кафе. Здѣсь безспорно лучшее пиво въ Европѣ, но оно слишкомъ демократично; его пьютъ въ пивныхъ, имѣющихъ въ Вѣнѣ характеръ полутрактировъ, гдѣ можно достать ѣду и куда приходятъ «выпить и закусить», а не пивать газетной политикой. Эти пивныя локалы достигаютъ громадныхъ размѣровъ. Въ нихъ держатъ митинги разныя рабочія общества и даются всякаго

*) Gollasch — венгерское блюдо изъ рубленнаго мяса съ турецкимъ перцемъ; Schnitzel — родъ рагу; Buchtel — хлѣбное широкое съ вареньемъ.

рода вечеринки, балы по подпискѣ, Kränzchen, музыкальные вечера и пѣвческія сборища.

Hofburgtheater, въ нынѣшній сезонъ, не удаченъ на новыя оригинальныя пьесы. Только увѣнчанная преміей комедія «Schach dem König» имѣетъ до сихъ поръ успѣхъ. Послѣ слабоватой, жиденькой по шуткамъ и колориту пьески «Die moderne Jugend», о которой я писалъ въ первомъ моемъ письмѣ, дана, на прошлой недѣлѣ, цѣлая пятиактная историческая драма *Роберта Бира* (Биръ этотъ пишется не такъ, какъ пиво: Bier, а Byr): «Lady Gloster». Она встрѣтила очень холодный пріемъ, и всѣ рецензенты отозвались объ ней сожалительно. Я былъ на второмъ представленіи. Публика не шикала, даже, сколько мнѣ казалось, ушла довольная. По замѣчанію нѣкоторыхъ рецензентовъ, игра актеровъ была еще слабѣе самой пьесы. Я этого тоже не нашелъ. Начиная съ третьяго акта, два главныхъ исполнителя: г-жа *Вальтеръ* и г. *Зонненвальдъ*, съ того момента, какъ драма получаетъ нѣкоторый Schwung, подняли строй драматическаго дѣйствія и до конца пьесы поддержали довольно сильный интересъ. Сама драма написана по выкройкамъ историческихъ представлений вѣнскихъ Гейбеля, Геббеля и Гальмо съ вѣчной претензіей на шекспировскій колоритъ, бѣлыми стихами. Содержаніе ея — разводъ Іоанна I, Безземельнаго съ женой своею Гедвизой, герцогиней Глостеръ; мщеніе ея, трагическое примиреніе съ злосчастнымъ королемъ, пришедшимъ просить у нея крова и пристанища и ихъ совмѣстное самоубійство. Только у нѣмцевъ дилетантизмъ простирается до неугомонившагося желанія подвизаться, до сихъ поръ, не только въ духѣ шекспировскихъ хроникъ, но даже въ рамкахъ его собственныхъ сюжетовъ. Въ сценическомъ отношеніи, два-три момента развиты не плохо. Сокративъ драму на три акта, изъ нея вышла бы довольно красивая картинка супружеской междоусобицы. Второстепенныя лица разныхъ Норфольковъ, Пемброкъ и иныхъ, неизбѣжныхъ, какъ нѣчто роковое, въ подобныхъ quasi-историческихъ «изготовленіяхъ», ходятъ по подмосткамъ, для *контенасну* и говорятъ приличными положенію бѣлыми виришами. Зрителямъ, съ помощію очень вѣрныхъ костюмовъ, не возбраняется принимать ихъ за истыхъ феодаловъ 1215 года, которымъ безземельный король имѣлъ неосторожность выдать великую хартію, считающуюся, по учебникамъ, краеугольнымъ камнемъ британскихъ вольностей.

Вообще же вещь эта совсѣмъ не хуже очень многихъ «исторій» ejusdem farinae и смотрится безъ скуки. Нѣтъ никакого повода браковать ее, въ смыслѣ сценической занимательности, коль скоро такія дѣтскія вещи, какъ драматическая сказка Грильпарцера «Жизнь-сонъ», даются на Burgtheater не передъ дѣтьми, а передъ взрослыми.

А все-таки мимо маэстро Оффенбаха не пройдемъ. Опять его оперетка на Karltheater; но объ ней въ слѣдующемъ письмѣ. Вѣна хочетъ, въ послѣднюю недѣлю своего фашина, захлебнуться всѣми наслажденіями, и втеченіи поста напѣвать свѣжіе Оффенбаховскіе мотивы, проникшіе здѣсь рѣшительно всюду. Perichole-Гейстингеръ улетѣла въ объѣздъ и Theater an der Wien пробавляется теперь старьемъ.

Театръ.

— На полученіе преміи Телеки за лучшую драму въ нынѣшнемъ году, въ венгерскую академію представлено десять пяти-актныхъ трагедій различныхъ авторовъ. Трагедіи эти носятъ слѣдующія заглавія: «Іоанна неаполитанская»; «Любовь къ отечеству»; «Героиня добродѣтели»; «Фратеръ Георгъ»; «Матіасъ Альпаръ»; «Бѣла IV»; «Луціанъ»; «Преслѣдуемые страстью»; «Семьградскій князь»; «Король Карлъ.»

Музыка.

— Переговоры, которые велись итальянцами со вдовою Россини, касательно поренесенія праха ея покойнаго мужа въ Италію, не удались. Флорентійскій муниципалитетъ требовалъ безъусловной выдачи останковъ Россини, для препровожденія ихъ въ Санто-Кроче, за что обѣщалъ вдовѣ маэстро, что ее впослѣдствіи похоронятъ рядомъ съ мужемъ. Госпожа Россини объявила, что она ни въ какомъ случаѣ не разстанется съ прахомъ своего мужа и не желаетъ ѣхать въ Италію. Говорятъ, будто-бы она рѣшилась украсить могилу Россини скромнымъ памятникомъ.

— На последнем маскараде в парижской большой опере, была играна новая полька Штрауса на мотивы из «Hoggeurs de la Guerre». В исполнении этой польки участвовал хор в 200 человек мужчин и женщин, кроме того, она аккомпанировалась ружейными выстрелами, барабанным боем и т. п. Много шума из пустяков!

СТАТИСТИКА.

— Население Соединенных Штатов с 1860 до 1867 года увеличилось больше чем на пять миллионов душ; в конце 1867 года оно состояло больше чем из 37 миллионов душ.

— Французская армия и флот к июлю 1868 г. была вооружена 9173 бронзовыми пушками, 2774 гаубицами, 3210 бронзовыми мортирами; в арсеналах находилось 18,778,549 железных ядер, 1,712,574 ружей Шаспо, 12,268,986 килограммов пороха и 4,993,668 бомб и гранат.

— Королевский британский оружейный завод в Энфилде, в 1866—67 году, исполнил следующие правительственные заказы: 17,966 новых кавалерийских карабинов по патентованной системе Ричардса; 8160 гладкоствольных ружей со штыками, 2480 ружей, 85,038 граненых ружей, системы 1853 года, передельные в ружья, заряжающиеся с казенной части по системе Сахидера; сделано вновь 10,012 короткоствольных ружей и 4998 граненых ружей для морских солдат, все с механизмом для заряда с казенной части.

— По последнему численному, свободное население Бразилии состоит из 8,180,000 душ. Оно распределено по провинциям следующим образом: В провинции Миньюс—1,160,000 душ, в Багипи—1,075,000, в Пернамбуку—1,040,000, в Рио-Жанейро—750,000, в Сан-Пауло 690,000, в Сеаръ—500,000, в Рио-Гранде де Суль 375,000, в столица Бразилии—300,000, в провинции Маранью—320,000, в Паръ—290,000, в Парагипи—250,000, в Алагоасъ—250,000, в Сержипи—220,000, в Пиуги—215,000, в Гойасъ—160,000, в Рио-Гранде де Норте—120,000, в Сан-Катринъ, 150,000, в Паранъ—80,000, в Мато-Гроссо—75,000, в Амазонас—60,000, в Спирито-Санто—55,500 душ.

— Заимствуем из отчета вице-ректора Парижской академии данные относительно числа студентов в Париже. Кроме медицинского и научного (des sciences) факультетов, как видно из прилагаемой таблицы, число вновь поступивших студентов везде уменьшилось. В первом столбце помечено число поступивших к 15 ноября 1867, во втором — к 15 ноября 1868 года.

Богословский факультет.	24	9
Юридический	135 юристов	118
Медицинский	2,797	2,754
Научный	1,199	1,251
	63	71
Филологический	26	12
	2,734 юриста	2,515
Аптекарская школа	305	387
Итого	7,283	7,117

— В трех Соединенных королевствах в прошлом году считалось 35,607,812 овец, а именно в Англии 20,930,779, в княжестве Вельском 2,668,505, в Шотландии 7,112,112, и в Ирландии 4,822,444. В Австралии также считается до 35 миллионов голов. В Новой-Зеландии—8,418,579; на мысе Доброй-Надежды и в Наталь—10,088,642.

— В Англии существует 904 телеграфных станций, предназначенных для публички и управлений, железных дорог, и 717 станций единственно для железнодорожных компаний. Длина проволоки равна почти 20,000 верст.

Новости естественных наук.

— Во Франкфурте на Майне, в ночь на 1 (13) января замечено было легкое землетрясение; тоже было и в Дармштадте, где явление это повторилось 1 (13) января, около 7 часов утра. Землетрясение это было чувствуемо в Ней-Изенбурге, Фюрте, Майнце и Вормсе и заключалось в сильном, волнообразном, колебании земли и домов.

— В Англии также все еще чувствуются мхами легкая колебания земли. Так 28 декабря (9 января), утром около 11½ часов, в графстве Суффолкском, было опять ощущаемо землетрясение, о котором сообщают из двух городов Йарлса и Стоуеркетта.

— В скором времени выйдет в свет об исследовании надъ

вия животной жизни и кроме того — на весьма важный вопрос физики земного шара, на вопрос о температурах на больших глубинах.

— В Триесте, на рейде, показалась недавно акула, которая изувечила одного купавшегося так, что ему принуждены были отнять правую ногу. У южного берега Англии в Соленте и в водах острова Уайта, прошедшее лето, несколько раз видели акул.

— Говорят, что недавно открыты золотые рудники в северной части Новой-Зеландии, близ Aucklanda, самые богатые на всем свете. У так называемого «Thames Reef», один присек в 750 квадратных футов обещает добычу в миллион фунтов стерлингов. Он принадлежал сначала трем лицам, которые купили его за один sovereign; позднее, они взяли к себе в компанию еще четвертого участника, обещавшего на общее предприятие вклад в 25,000 фунтов стерлингов. Хотя присек этот по своему богатству и не имает себя равного, но тем не менее там есть несколько присеков, дающих ежедневную добычу в 40 фунтов стерлингов. Среднее количество добываемого золота равняется 12 унциям на 1 тонну кварцовой руды. Говорят, впрочем, что за исключением упомянутого присека, присеки в Кайпуре, гораздо богаче присеков в «Thames».

— В недавнее время найден суррогат знаменитых перигорских трюфелей. Говорят, что образования на подобие чернильных орехов, находящихся на растении Lotus esculentus, имеют совершенно тот же вкус и запах, как и лучшие трюфели и уже с успехом применены к кулинарному искусству.

— Между Ренебургом и Растенбургом в восточной Пруссии, при проложении шоссе, найдены значительные залежи янтаря, из которых ежедневно добывают по несколько прекрасных и больших янтарей.

Археология.

— В Кассаро, в Сицилии, открыли недавно остатки города, который вероятно был очень большою сиракузскою колониею Наружная стена, несомненные следы которой совершенно ясны, имела семь футов толщины и 2000 футов в окружности. Город этот, как кажется, раздвинулся некогда на четыре квартала; в одном из них найдены остатки прекрасного храма.

НАУЧНЫЕ НОВОСТИ.

психология.

Тиндаль против материалистов. — Известный ученый Тиндаль пишет следующее по вопросу о соотношении души и тела. — «Образование кристалла, растения или животного, в глазах многих ученых, есть простая механическая задача, отличающаяся от обычных механических задач только малостью массы и сложностью процессов. Но с этим удивительным механизмом животного тела находится в связи явление, столь же несомненное, как и явления физические, и мы не можем открыть никакого необходимого соотношения между этими явлениями и механизмом. Напр., человек может сказать: я чувствую, думаю, люблю; но каким образом сознание входит в нашу проблему? Человеческий мозг разламывается, как орган мысли и чувства; когда мы ранены, мозг чувствует рану; когда мы размышляем, то думаем — мозг; мозг приводит в движение наши мысли и чувствования. Постараемся выразить это точнее. Каждый акт сознания соответствует определенному молекулярному состоянию мозга; это отношение физической природы к сознанию остается неизменным; если дано состояние мозга, то можно заключить о соответствующих: мысли, или чувствах, и обратно. Но это заключение не есть логический вывод; это в самом крайнем случае только эмпирическая ассоциация. Правда, много научных выводов имеют характер эмпирический; напр. тот, что электрический ток, обращающийся в данном направлении, отклонит магнитную стрелку в известном направлении; но если нельзя доказать влияния тока на стрелку, то можно по крайности вообразить себе его, и несомненно, что до тех пор будут рваться механически нашу задачу, пока нельзя будет вообразить себе перехода от физического состояния мозга к соответствующим фактам чувств. Примем, что известная мысль соответствует известному молекулярному движению в мозгу. Что же! мы не обладаем интеллектуальным органом, который позволял бы нам, при помощи разсуждения, переходить от одного явления к другому. Они происходят вместе, но почему, мы не знаем. Если бы наш разум и наши чувства были до того совершенны, что позволяли бы нам видеть и чувствовать самые частицы мозга; если бы мы могли следить за всеми движениями, сгруппированиями, электрическими разрядами (предполагая что они существуют) этих частиц; если бы мы в совершенстве знали состояние соответствующих тому, или чувства, — то и тогда

ступней для разума. Примем напр., что чувство любви соответствует спиральному движению вправо частиц мозга, и чувство ненависти, спиральному движению в левую сторону; мы тогда знали бы, что когда мы любим, движение происходит в одну сторону, а когда ненавидим — в другую; но вопрос по чему? все таки останется без ответа.

Утверждая, что возрастание тела происходит механически и что существует соотношение между нашими чувствами и физическим состоянием мозга, я изложил положение материалиста, на сколько оно может быть принято. Я думаю, что материалист, поставленный в это положение, может, в конце концов, защищаться от всех нападений, но я не думаю, чтобы человеческого разуму, — пока он таков, как нынче, — мог идти дальше, и я не думаю, чтобы материалист имел право сказать, что сгруппирование этих частиц и движение объясняют все. Они ничего не объясняют. Материалист может утверждать только ассоциацию этих двух видов явлений, связь которых ему безусловно не известна. Задача соотношения тела и души также не разрешима в новой своей форме, как была до времени научных исследований. Известно, что фосфор входит в состав человеческого мозга, и что некий храбрый писатель вскричал на своем грубом немецком наречии: «Ohne Phosphor kein Gedanke» (Без фосфора нет мысли). Это может быть справедливо, или нет; но даже если бы мы знали, что это истина, — она ни мало бы не разъяснила нашего неведения. Из двух сторон зоны, определенной нами для материалиста, последняя также закрыта. Если вы его спросите: откуда вещество, кто, или что раздвинуло его на частицы, кто, или что обуславливает необходимость этим частицам группироваться в органические формы, — он не может дать вам ответа. Наука также не может отвечать на этот вопрос. Преклоним голову, и раз на всегда, сознаем в нашем незнании. Может быть со временем эта тайна, не станет ли известна нам?

физиология.

— Французский естествоиспытатель Марэ, занимаясь недавно исследованиями надъ быстротою движений крыльев насекомых во время полета, помощью графического способа нашел следующие цифры для быстроты движений крыльев различных насекомых, совершаемых ими в одну секунду.

Крыло обыкновенной мухи совершает	330 колебаний.
» шмеля	240 »
» пчелы	190 »
» осы	110 »
» стрекозы	28 »
» бабочки капустницы	9 »

Способ исследования, употребляемый Марэ, следующий: он берет насекомое тонкими щипчиками за заднюю часть туловища и в то время как насекомое, стараясь освободиться, машет крыльями, Марэ направляет одно из крыльев таким образом, что оно касается зачерненной сажею поверхности, вращающегося с известною скоростью, вертикального цилиндра. Крыло, за каждым взмахом, снимает часть сажи с цилиндра и оставляет таким образом на нем след. После опыта, на цилиндре получается ломанная линия, составленная из нескольких, периодически повторяющихся, форм, соответствующих каждому взмаху крыла. Помощью хронографического диапозона можно с точностью определить число колебаний или взмахов крыла для одной секунды.

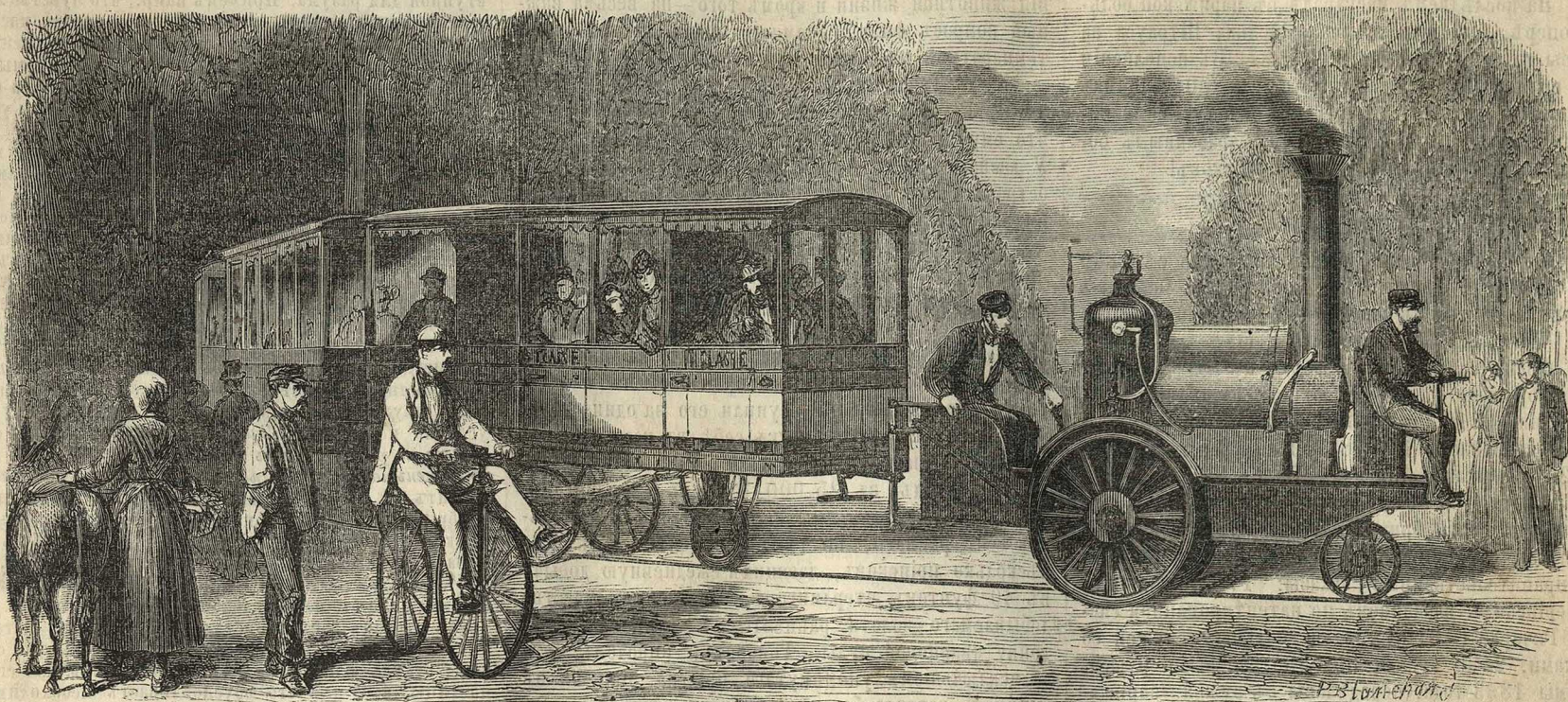
— Г. Дюран из Гро написал сочинение о влиянии среды на отличительные свойства человека и животных. Он обратил внимание на геологическую обстановку, как причину изменения человеческих и животных типов. Автор высказывает на вид соотношение известковой и сланцевой почвы некоторых местностей Австрии с анатомическими формами и физиологическими особенностями, даже с произношением некоторых согласных живущего там населения. Желательно, чтобы кто-нибудь из наших молодых ученых обратил на это внимание по отношению к России.

Некрологи.

— В Лондоне умер 23 декабря (4 января) член королевского лондонского общества, Джеймс Эдвард Форбес. Он известен своими многочисленными трудами в области физики; особенно известна его теория ледников и исследования Норвегии и ее ледников, а также путешествие в Савойских Альпах.

— В четверг 23 января, скончался член Государственного Совета, бывший министр народного просвещения, Аврамь Сергеевич Норов. В субботу 25 января, в Сергиевский Лавр, происходила печальная церемония погребения его тела. Вынос тела удостоили своим присутствием: Государь Император, Наследник Цесаревич и Великий Князь Владимир Александрович. В следующем 6 номере «Иллюстраций» будут помещены портрет покойного и его биография.

— 15 января умер от тифа профессор не-
теского института С. П. Ко-

Новая желѣзная дорога изъ Рэнси въ Монфермейль, по системѣ Ларманья.

Желѣзная дорога изъ Рэнси въ Монфермейль во Франціи.

Въ Августѣ мѣсяцъ прошлаго года, между мѣстечками Рэнси и Монфермейль, на протяженіи пяти километровъ (около четырехъ съ половиною верстѣ), построена желѣзная дорога совершенно въ новомъ родѣ. Путь, по которому движется поѣздъ, состоитъ изъ одного рельса, менѣе широкаго и менѣе высокаго, чѣмъ обыкновенно употребляемые рельсы. Поѣздъ состоитъ изъ локомотива маленькихъ размѣровъ и вагоновъ, соответствующей величины; на передней части локомотива помѣщается небольшое колесо, управляемое кондукторомъ при помощи приспособленнаго къ тому вертикальнаго рычага. У самаго конца задней части локомотива находятся два большихъ колеса; переднее колесо катится по рельсу, а два заднихъ — по землѣ. Устройство вагоновъ, вмѣщающихъ въ себя до шестнадцати человѣкъ, также довольно оригинальное; на обоихъ концахъ вагона, подъ его кузовомъ и по продольной его оси, помѣщается по одному колесу, катящемуся по рельсу; по бокамъ вагона справа и слѣва, находится еще по большому колесу, которыя служатъ только для поддержанія равновѣсія. Вся тяжесть вагона падаетъ такимъ образомъ на два колеса, направляющихся по рельсу.

Опыты, произведенные на новой желѣзной дорогѣ показали несомнѣнные достоинства ея системы для извѣстныхъ цѣлей. Какъ извѣстно, принципомъ желѣзныхъ дорогъ служить тотъ фактъ, что сила, потребная для приведенія въ движеніе повозки, на-

груженной какою нибудь тяжестью, можетъ быть уменьшена въ шесть разъ, если эта повозка будетъ двигаться по лежащимъ на землѣ рельсамъ. Когда требуется везти длинный рядъ вагоновъ, нагруженныхъ товарами или при быстрой ѣздѣ пассажирскихъ поѣздовъ, желѣзныя дороги теперешней системы вполне удовлетворяютъ своему назначенію, такъ какъ выручаемыя деньги вполне покрываютъ расходы по движенію и по первоначальному устройству дороги. Но условія эти совершенно измѣняются на желѣзныхъ дорогахъ небольшого протяженія и при томъ такихъ, гдѣ важно частое отправленіе поѣздовъ, а не быстрота ихъ и гдѣ транспортированіе кладей производится въ весьма незначительныхъ размѣрахъ. Очевидно, что при существованіи такихъ условій и цѣлей, было бы крайне непрактично строить дорогу по примѣру желѣзныхъ дорогъ большаго протяженія, съ движеніями по ней обыкновенныхъ поѣздовъ, составленныхъ изъ локомотива и вагоновъ большихъ размѣровъ и вѣса. Ларманья, изобрѣтатель этой новой системы, именно и руководствовался мыслію объ устраненіи упомянутыхъ неудобствъ.

Небольшой локомотивъ системы Ларманья, построенъ почти весь изъ стали и вѣситъ всего три тонны. Двигательныя колеса локомотива соединяются съ двигателемъ снарядомъ при помощи зацепокъ и безконечнаго винта такимъ образомъ, что каждый оборотъ колеса соответствуетъ шести ходамъ поршня. Такое устройство имѣетъ двойное преимущество; оно дѣлаетъ ходъ машины болѣе правильнымъ и совершенно устраняетъ двигательный аппаратъ отъ толчковъ, могущихъ произойти на пути. Наконецъ, весьма остроумная

система ресоръ, которою снабжены колеса, способствуетъ свободѣ ихъ вращенія и уменьшаетъ треніе при движеніи ихъ по кривымъ линіямъ; кромѣ того, ресоры эти помогаютъ регулировать двигательной силою и совершенно уничтожаютъ толчки во время отхода поѣзда.

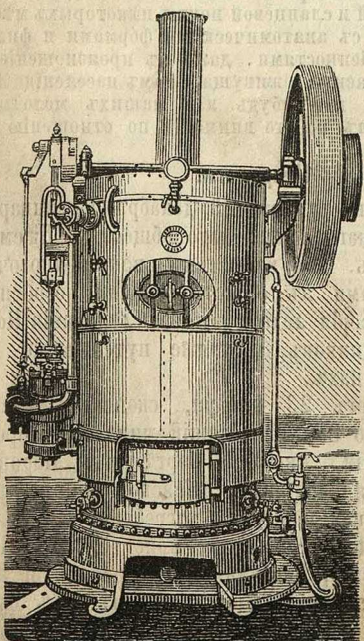
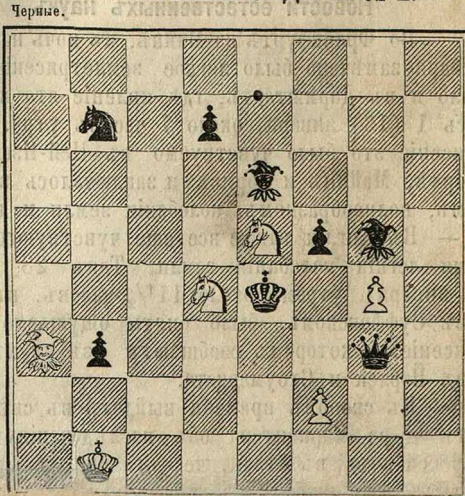
Движеніе поѣзда нисколько не затрудняется, ни кривыми линіями, ни повышеніемъ мѣстности; средняя скорость поѣзда, при производствѣ первыхъ опытовъ, равнялась почти пятнадцати верстамъ въ часъ. Само собою разумѣется, что постройка такой дороги должна стоить значительно дешевле обыкновенной и при томъ расходы по движенію, также значительно меньше. По разсчету, сдѣланному французскими инженерами, оказывается, что постройка рельсоваго пути въ 20 километровъ (нѣсколько меньше 20 верстѣ) обойдется въ 289,000 франковъ (около 90,000 рублей серебромъ), а ежегодный расходъ по движенію по этой дорогѣ будетъ равняться 65,000 франковъ (т. е. около 20,000 рублей серебромъ).

Въ виду такихъ достоинствъ новой системы, ничего нѣтъ удивительнаго, что во Франціи образовалось уже нѣсколько компаній, обратившихся къ Ларманья, прося его содѣйствія при устройствѣ желѣзныхъ дорогъ его системы въ различныхъ мѣстностяхъ Франціи.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція считаетъ нужнымъ извѣстить, гг. подписчиковъ, что неакуратность въ доставкѣ «Всемирной Иллюстраціи» зависитъ не отъ ея вины, а недавней почтовой реформы, которая требуетъ весьма много времени на изготовленіе списковъ подписчиковъ для сдачи журнала въ Газетную Экспедицію. При семъ редакція имѣетъ честь присовокупить, что всѣ требованія гг. подписчиковъ, поступившія въ редакцію до настоящаго числа, будутъ выполнены ею *непрерывно* въ теченіи января мѣсяца.

ШАХМАТНАЯ ЗАДАЧА № 2.

МАШИНА И КОТЕЛЪНАЯ ФАБРИКА Г. МАЛЬТРЕХТА и К°. Въ Гамбургѣ.

Catharinenkirchhof 21 и Grünerdeich 102

приготовляетъ для отправки во всѣ государства Европы
удобнопереносимыя вертикальныя паровыя машины,
новыя котлы съ спиральными трубками,

прочной конструкціи отъ 1 до 10 лошадиныхъ силъ, ручныя и
перевозныя пожарныя нососы, со всѣми необходимыми пожарогаси-
тельными снарядами, изъ чистаго металла и железа, разной величины.

кромѣ того:

неподвижныя и подвижныя (локомобили) паровыя
машины всякаго размѣра, паровыя ворота, паровыя
подъемные краны, паровыя пожарныя трубы и т. д.
паровыя котлы для сухопутныхъ и паровыхъ
машинъ и всякія машинныя издѣлія изъ жести.

Фабрика принимаетъ также въ поправку и починку сухопутныя и пара-
ходныя машины, а также устраиваетъ цѣлыя фабрики.

Всѣ требованія исполняются немедленно и въ точности; заказыва-
емыя машины устанавливаются на мѣсто назначенія.

Фабрика принимаетъ заказы